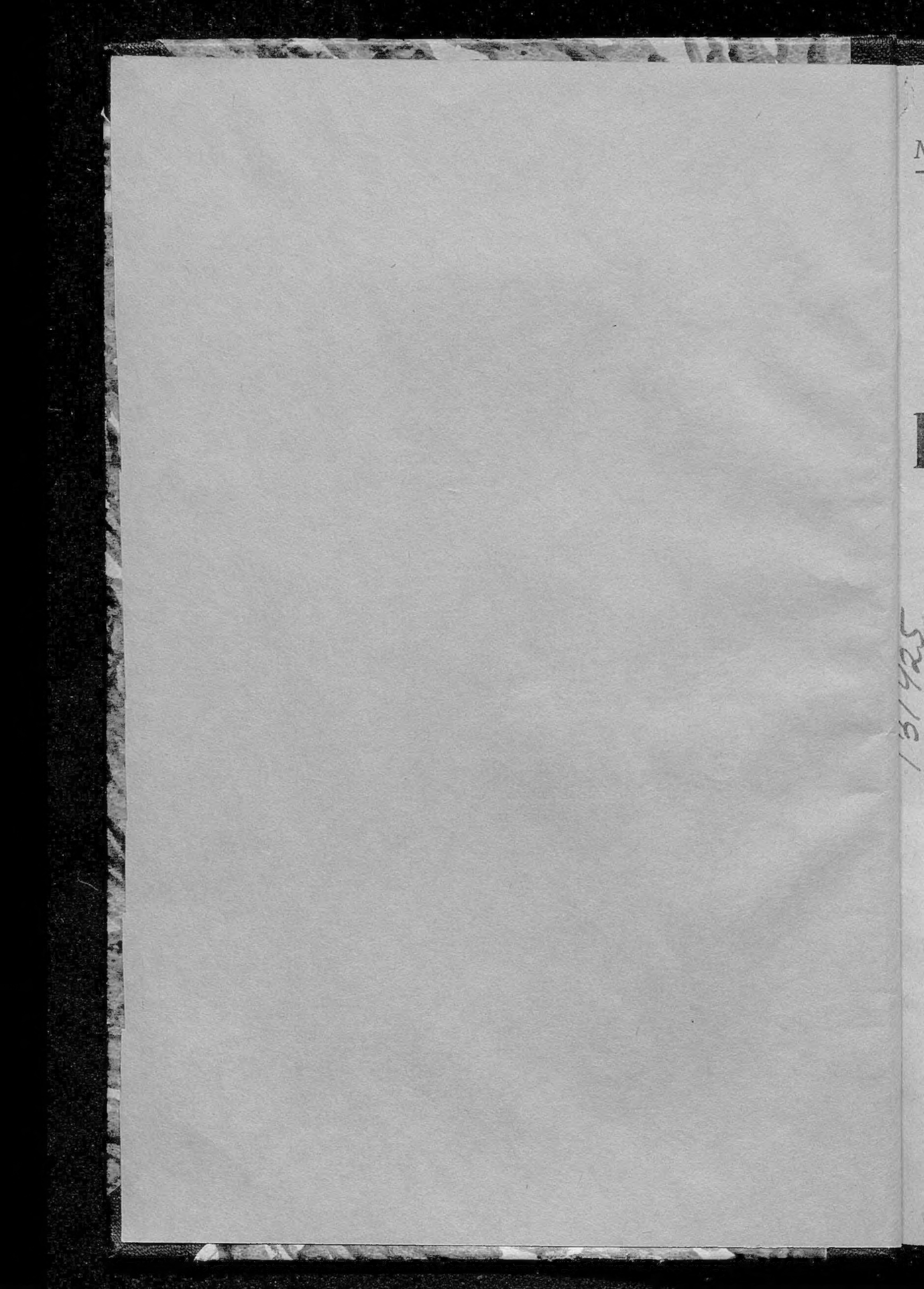
4 81

И20 Иванов П. Г.

Вопросы языка

МОРДОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

П. Г. ИВАНОВ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА

В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА, СТАЛИНА,
АКАДЕМИКА МАРРА
И МАКСИМА ГОРЬКОГО

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1934

Автор:

ИВАНОВ Павел Григорьевич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга „Вопросы языка в высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, ак. Марра и М. Горького, составленная П. Г. Ивановым, —имеет целью дать студенту, учителю—словеснику, партийному и комсомольскому активу в своей повседневной практической работе возможность иметь под руками высказывания о языке, постоянно ими пользуясь.

Марксистско-ленинская теория оплодотворяет всю теоретическую мысль, бурно развивающуюся в стране победившего социализма. Успехи СССР во всех областях науки и техники, особенно ярко выступают при сопоставлении с кризисом буржуазной науки в капиталистических странах. Буржуазная теория в языкознании—индо-европеистика еще не сдала своих позиций: есть языковеды, которые являются или откровенными ее сторонниками, или колеблющиеся, или, прикрываясь марксистско-ленинской фразеологией, протаскивают индоевропеистику контрабандным путем. Отсюда ясно, какое огромное значение приобретает освоение того, что дали по вопросам языка классики марксизма, а также изучение теории ак. Марра, которая в жестокой борьбе разбивает идеализм в языкознании.

Классики марксизма дали высказывания по всем важнейшим вопросам лингвистической науки: язык и мышление, язык и общественная среда происхождение и развитие языка, проблема международного языка. Только на основе серьезного и внимательного изучения их высказываний может быть построено марксистско-ленинское языкознание.

Изучение высказываний о языке классиков марксизма, ак. Марра и Максима Горького имеет большое значение и потому, что показывает как надо пользоваться языком. Язык—огромной важности орудие классовой борьбы и социалистического строительства. Надо научиться пользоваться языком как таким орудием.

Язык—могучее орудие повышения культурного уровня. Именно, поэтому необходимо, чтобы язык удовлетворял всем тем требованиям, которые пред'являются социалистическим строительством. А овладеть языком, как орудием классовой борьбы и соцстроительства, как орудием повышения культурного уровня,—возможно только на основе теории Маркса,—Энгельса,—Ленина,—Сталина. Здесь чрезвычайно важны также высказывания Максима Горького, который своими выступлениями по вопросам языка вносит новую струю в историю русского

языка и дает четкие и ясные установки по вопросу о том, каким должен быть чистый, культурный язык пролетариата, о чем неоднократно высказывал В. И. Ленин.

Ценность книги несколько снижается отсутствием подтем в темах книги, хотя последнее сглаживается указанием заглавий статей после каждого отрывка в сносках. Во втором издании эти подтемы будут даны.

Составитель имел в своем распоряжении:

1. Первое издание сочинений Ленина (1925 г.).
2. Сочинение Маркса, Энгельса, Сталина в парт. изданиях 1932 г..
3. Материалы 17-го партс'езда.
4. Сочинения ак. Марра в издании с 1924 г. по 1933 г. и первый том „Избранные работы" Г.А.И.М.К 1933 г.
5. Аптекарь. „Вопросы языка в освещении яфетической теории" Г.А.И.М.К. 1933 г.
6. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления. Г.А.И.М.К. 1933.
7. Иванов П. Г. „Классики марксизма о языке" Издание (первое) Высшего Туркменского Педагогического Института. Казань 1932 г.
8. Иванов П. Г. „Классики марксизма о языке" Издание (второе) Туркменского Педагогического Института (Ашхабад-Кизил-Арват) 1933 г.

В конце книги помещен краткий методический указатель.

7 июня 1934 г.

Мордовский Педагогический Институт.

Спецификум языка, язык и мышление.

...определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества, с определенной общественной ступенью (и самый этот способ сотрудничества есть некая „производительная сила"),... совокупность доступных людям производительных сил обусловливает общественное состояние и, следовательно,... „историю человечества" всегда необходимо изучать и обрабатывать в связи с историей промышленности и обмена... Таким образом, уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, которая обусловлена потребностями и способом производства и так-же стара, как сами люди— связь, которая принимает все новые формы, а, следовательно, совершает „историю" не нуждаясь даже в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того связывала бы людей.—Лишь теперь, после того как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек обладает так-же и „сознанием". Но и им он также обладает не с самого начала в виде „чистого сознания". На „духе" с самого начала тяготеет проклятие „отягощения" его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков,—словом в виде языка. Язык так-же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее так-же и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не „относится" ни к чему и вообще не „относится"; для животного его отношение к другим не существует, как отношение. Таким образом, сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть прежде всего осознание ближайшей чувственной среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно—осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по животному, и перед которой они беспомощны, как скот, следовательно, это—чисто животное осознание природы (естественная религия). Здесь, сразу видно, что эта естественная религия

или это определенное отношение к природе обусловливается общественной формой и обратно. Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обусловливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу—их ограниченное отношение к природе, как раз благодаря тому, что природа еще почти не преобразована ходом истории, а с другой стороны, проявляется сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало осознания того—что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это—чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же,—что его инстинкт осознан. Это баранье или племенное сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое в начале было лишь разделением труда в половом акте, а потом—разделением труда, совершавшимся само собой „естественно возникшим" благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т.д. Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего нибудь действительного,—с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию „чистой" теории, теологии, философии, морали и т. д.

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, партиздат. 1933 г. стр. 20-21)

Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

(К. Маркс. К критике политической экономии Предисловие, стр. 45 1932 г. Москва).

Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе, определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение—это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее

различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты—конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце-концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя и взаимная связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Москва—Ленинград. Соцэкгиз. 1931 г., стр. 374-375. Письмо Энгельса к Блоху от 21/IX-1890 г).

...что такое язык? Трудно дать определение, ибо, будучи созданием изменчивой материальной базы, производства, и с нею неразлучного или к ней ближайше примыкающего надстроечного фактора, социальной структуры, язык так-же есть историческая ценность, т. е. изменчивая категория, и без допущения чудовищного анахронизма нельзя дать его единого определения, ни идеологического, ни технического. Без содрогания нельзя слушать, когда без учета палеонтологии речи обсуждается какой бы то ни было мелкий вопрос по языку генетического порядка.

Функция языка менялась, изменялось обслуживаемое языком пространство, менялся об'ем охвата внутреннего порядка—количество нареченных предметов, изменилось орудие речевого производства, изменился его процесс и т. д.

(Н. Я. Марр. Язык и письмо, стр. 7. ГАИМК т. VI, вып. 6. 1931 г.).

...язык вообще, следовательно, и линейный, тем более звуковой, есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений, предполагающих наличие трудового коллектива и без языка, особенно без разговорного звукового языка, сложившегося и развившегося позднее.

(Н. Я. Марр. К бакинской дискуссии, о яфетидологии и марксизме. Стр. 25. Баку 1932 г.).

...язык определяется как создание общественности, плод человеческого творчества, на первых порах хотя бы и бессознательно-непроизвольного, как завершение неимоверно долгих стараний и затраты громадных сил, приспосабливавших и произносительные органы и воспроизведение звуковых элементов, повторяющих элементы общественного строя и их соотношения в психологическом восприятии тех бесконечно далеких эпох.

(Н. Я. Марр. П.Э.Р.П.Т. М.-Л. 1926 г. Яфетиды).

...сам по себе язык не существует, весь его состав есть отображение или, скажем конкретнее, отложение, так обстоит со всеми языками различных мест и различных эпох, и, конечно, их взаимоотношения не могут представить ничего кроме отвлеченности, их и представить нельзя в иной, чем схематической диаграмме. Жизненны языковые явления лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественностью. Потому-то, чтобы получить общее конкретное представление о системе языков и их взаимоотношениях как жизненных явлениях, а не абстракциях, чтобы при подлинном генетическом анализе особенностей каждого языка почувствовать реальность, дыхание подлинной жизни, дыхание творчества или трудового производства человеческого коллектива, необходимо иметь правильное общее представление о том, органическим отложением чего является язык, непосредственно или через общественность посредственно, именно правильное представление об истории материальной культуры. Иначе при всей, допустим, безукоризненной его правильности и яфетидологическое построение учения об языке, его происхождении и смене типов в эволюционном порядке явится в значительной мере отвлеченностью, оно будет говорить об отвлеченно от пространства происходящем процессе, без учета и понимания генетического значения и того факта, как языки распространены по всему миру.

(Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 79 Азгиз. Баку, 1928 г.)

Язык и общественная среда.

Человек есть в самом буквальном смысле zoon politikon, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может об'единиться. Производство обособленных личностей вне общества,—возможное, как редкое исключение, для цивилизованного человека, случайно заброшенного в необитаемую местность и динамически уже в себе самом носящего общественные силы,—такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов...

Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития—о производстве общественных индивидов... *Производство* вообще это—абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений. Однако это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно расчлененным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие—общи лишь некоторым. Одни определения являются общими для современной и для древнейшей эпохи. Без них совершенно невозможно мыслить себе производство; однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, но именно отличие их от этого всеобщего и общего и есть то, что образует их развитие.

(К. Маркс. К критике политической экономии.
Партийное издательство. Москва. 1932 г. стр. 16-17).

„Если приходится вступать в соглашение и в словестное общение, то Я, разумеется, могу воспользоваться только *человеческими* средствами, которые находятся в Моем распоряжении, поскольку Я являюсь вместе с тем человеком" (т. е. экземпляром рода). Таким образом, язык здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо (Макс Штирнер) говорит по-немецки, а не по-французски он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещению и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией. Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода.

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология
Соч. IV, 414, 1933 г.)

Происхождение и развитие языка

Труд—источник всякого богатства, утверждают экономисты. Труд действительно является таковым на ряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он и нечто бесконечно большее, чем это. Он—первое основное условие всей человеческой жизни,—и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

Много сотен тысячелетий тому назад, в еще не поддающийся точному определению промежуток времени того периода в развитии земли, который геологи называют третичным, предположительно к концу этого периода, жила где-то в жарком поясе по всей вероятности, на обширном материке, ныне погруженном на дно Индийского океана—необычайно высокоразвитая порода человекоподобных обезьян. Дарвин дал нам приблизительное описание этих наших предков. Они были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши и жили стадами на деревьях.

Первым следствием обусловленного их образом жизни обычного для них способа передвижения (лазать, карабкаться), при котором руки выполняют совсем другие функции, чем ноги, было то, что эти обезьяны стали отвыкать от того, чтобы при ходьбе опираться на руки, и стали усваивать все более и более прямую походку. Этим был *сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку.*

Все еще ныне живущие человекоподобные обезьяны могут стоять прямо и передвигаться на ногах, но лишь кое-как и в высшей степени беспомощно. Их естественное передвижение совершается в полувыпрямленном положении и включает употребление рук. Большинство из них упирается тыльными сторонами сжатых в кулак пальцев рук в землю и передвигают тело, поджимая ноги и опираясь на длинные руки, как хромой на костыли.

В общем мы и теперь еще можем наблюдать у обезьян все переходные ступени от хождения на четвереньках до хождения на двух ногах. Но ни у одной из них последнее не стало нормальной формой передвижения.

Чтобы прямая походка могла стать у наших волосатых предков сначала правилом, а потом и необходимостью, нужно было, чтобы руки уже раньше все более и более специализировались, между прочим, на других функциях. Уже у обезьяны существует известное разделение функций между руками и ногами. Как уже раньше замечено было, при лазании пользуются руками иначе, чем ногой. Первая служит преимущественно для целей собирания и удержания пищи, как это уже делают некоторые низшие млекопитающие при помощи своих передних лап. При помощи рук и некоторые обезьяны строят себе

гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Рукою они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последних плодами и камнями. При ее же помощи они выполняют в плену ряд простых операций, которые они перенимают у людей. Но именно тут-то и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее подобных человеку обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и мускулов одинаково у обеих, и, тем не менее, рука даже самого первобытного дикаря способна выполнять сотни операций, недоступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда либо хотя бы самого грубого каменного ножа.

Поэтому функции, к которым наши предки в эпоху перехода от обязьяны к человеку, на протяжении многих тысячелетий, постепенно научились приспособлять свою руку, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари и даже те из них, у которых приходится предположить возврат к звероподобному состоянию с одновременными физическими регрессивными образованиями, все же стоят выше тех переходных существ. До тех пор, пока первый булыжник, при помощи человеческих рук, мог превратиться в нож, должен был, пожалуй, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним, известный нам исторический период является совершенно незначительным. Но решительный шаг был сделан, *рука стала свободной* и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению.

Рука, таким образом, является не только органом труда, *она также его продукт.* Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передачи по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и за более долгие промежутки времени, также и костей, а равно и благодаря все новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям,—только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.

Но рука не была чем-то самодовлеющим. Она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма. И то, что шло на пользу руке, шло также на пользу всему телу, которомуона с лужила, и шло на пользу в двояком отношении.

Прежде всего, в силу того закона, который Дарвин назвал законом соотношения роста. Согласно этому закону известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, повидимому, ни в какой связи с первым не стоят. Так, напр., все без исключения животные, которые обладают красными кровяными шариками без клеточного ядра и у которых затылок соединен с первым позвонком при помощи двух

суставов, обладают также молочными железами для кормления детенышей. Так, у млекопитающих животных разделенные копыта обыкновенно связаны с обладанием сложным желудком для производства жвачки. Изменения известных форм влекут за собой изменение формы других частей тела, хотя мы и не в состоянии об'яснить эту связь. Совершенно белые кошки с голубыми глазами всегда или почти всегда оказываются глухими. Постепенное усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке, в силу закона соотношения, несомненно обратно влияло и на другие части организма. Однако этого рода воздействие еще слишком мало исследовано, и мы вынуждены ограничиться тем, что вообще здесь это только отмечаем.

Значительно важнее прямое, поддающееся учету обратное воздействие развития руки на остальной организм. Наши обезьяноподобные предки, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинавшееся, вместе с развитием руки, вместе с трудом, господство над природой расширяло с каждым новым движением вперед кругозор человека. В предметах природы он открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это об'яснение развития языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно верным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобство от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иное, когда оно приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности, которые раньше им были чужды. Всякий, кому много приходилось иметь дело с такими животными, едва ли будет отрицать, что *теперь* часто бывают случаи когда они ощущают, как недостаток, свою неспособность к членораздельной речи. К сожалению, их голосовые органы настолько уже специализированы в определенном направлении, что этому горю их уже

никак помочь нельзя. Там, однако, где условия органа для этого более благоприятны, эта неспособность, в известных границах может исчезнуть. Голосовые органы птиц отличаются, конечно, радикально от соответствующих органов человека. Тем не менее птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и именно птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть на это не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Правда, конечно, что из одной любви к процессу говорения, как к общению с людьми, попугай будет целыми часами бессмысленно повторять весь свой запас слов, но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он получил представление об их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он так же верно применяет свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же при выклянчивании лакомств.

Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян постепенно мог превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве, превосходит первый величиной и совершенством. С дальнейшим же развитием мозга шло параллельно дальнейшее развитие его ближайших орудий—органов чувств. Как постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим утончением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна едва едва обладает в грубой, неразвитой форме, развилось только вместе с развитием самой человеческой руки, при посредстве труда. Обратное действие развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению, обратное действие всего этого на труд и на язык давало обоим все новые толчки к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов и в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже прерываемый попятным движением, он с тех пор в общем и целом очень мощно продвинулся вперед; *общество* —этот новый элемент, возникший вместе с появлением готового человека,—с одной стороны, сильно подвинуло вперед это развитие, а с другой стороны, направило его по более определенным линиям.

Сотни тысяч лет- в истории земли имеющие небольшее значение, чем секунда в жизни человека, наверное протекли, прежде чем

возникло человеческое общество из стада карабкающихся по деревьям обезьян. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же мы снова находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? *В труде.* Стадо обезьян довольствовалось тем, что до чиста пожирало пищу, имеющуюся в их районе, размеры которого определялись географическими условиями или степенью сопротивления соседних стад. Оно кочевало с места на место, добиваясь, путем борьбы, нового, богатого кормом, района, но оно было неспособно извлечь из района, где оно добывало корм, больше того, что он давал от природы, за исключением разве того, что стадо бессознательно удобряло почву своими испражнениями. Как только все области, богатые кормом, были заняты, рост обезьяньего населения должен был приостановиться; в лучшем случае, это население численно могло остаться на одном и том же уровне. Но все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост. Волк, в противоположность охотнику, не щадит козули, которая в ближайшем году должна была бы доставить ему козлят; козы в Греции, которые пожирают все мелкие кустарники, не давая им подрасти, оголили все горы страны. Это «хищническое хозяйство» животных играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспособляться к новым, необычайным родам пищи, благодаря чему кровь приобретает другой химический состав и вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают. Нет никакого сомнения, что это хищническое хозяйство необычайно способствовало очеловечению наших предков. У той расы обезьян, которая превосходила все остальные смышленностью и приспособляемостью, это хищническое хозяйство должно было привести к тому, что в пищу стали употреблять все большее и большее количество новых растений, а из этих растений все большее количество с'едобных частей, одним словом, к тому, что пища стала более разнообразной, следствием чего было проникновение в организм все более разнообразных элементов, создававших химические условия развития в человека. Но тут еще нет труда в собственном смысле слова Труд начинается только при изготовлении орудий. А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим,—наиболее древние, судя по найденным предметам, оставшимся нам в наследство от доисторических людей, и судя по быту наиболее ранних исторических народов, а равным образом и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и предметами вооружения Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению на ряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути развития в человека. *Мясная пища* содержит в почти готовом виде наиболее важные элементы, в которых нуждается организм для своего обмена веществ. Мясная пища сократила процесс пищеварения и вместе с ним продолжитель-

ность других соответствующих явлениям растительного царства вегетативных процессов в организме и сберегла этим больше времени, элементов и энергии для активного проявления животной, в собственном смысле слова, жизни. И чем более формирующийся человек удалялся от растительного царства, тем более он возвышался также над животным. Как приручение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи рядом с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и привычка к мясной пище на ряду с растительной чрезвычайно способствовало увеличению физической силы и самостоятельности формирующегося человека. Наиболее существенное влияние, однако, мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в большем количестве, чем раньше, вещества, в которых он нуждается для своего питания и развития, что дало ему возможность быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение. Рискуя навлечь на себя гнев господ вегетарианцев, приходится признать, что человек не мог стать человеком без мясной пищи, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собой даже людоедство (предки берлинцев, велетабы или вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нас теперь это мало касается.

Введение в потребление мясной пищи привело к двум усовершенствованиям, имеющим решающее значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое сократило еще более процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной пищи, так как на ряду с охотой оно открыло новый ист чник, откуда ее можно было регулярно черпать, и доставило, кроме того, в виде молока и его продуктов новый, по разнообразию элементов равноценный мясу, предмет питания. Таким образом, оба эти усовершенствования непосредственно стали новыми средствами эмансипации для человека. Останавливаться здесь подробно на их косвенных последствиях, как бы важны они ни были для развития человека и общества, мы не можем, так как это отвлекло бы нас слишком в сторону.

Подобно тому, как человек научился потреблять все с'едобное, он научился жить также во всяком климате. Он рассеялся по всему обитаемому миру, он. единственное животное, которое обладало необходимой для этого силой. Другие животные, привыкавшие ко всем климатам, приобрели это свойство не самостоятельно, а следуя за человеком, как, напр., домашние животные и насекомые. И переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится между зимой и летом, создал новые потребности, потребности в жилище и платье для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые области труда, новые формы деятельности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной работе руки, органов речи и мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе

все более высокие цели и достигать их. Труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение, ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходный промысел. На ряду с торговлей и промыслами появились искусство и наука, из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове: религия. Перед всеми этими образованиями, которые представлялись сначала продуктами головы, господствующими, повидимому, над обществом, отступали на задний план более скромные произведения человеческой руки, тем более что голова, составляющая планы, уже на очень ранней ступени развития (напр., уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки заняться практическим выполнением своих предначертаний. Всю заслугу быстрого развития цивилизации приписывали голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли при об'яснении своих действий исходить из своего мышления, а не из своих потребностей (которые, конечно, отражаются в голове, осознаются), и таким образом возникло с течением времени то идеалистическое миросозерцание, которое с эпохи падения античного мира владело умами. Оно владеет и теперь ими в такой мере, что даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как, в силу влияния этого идеалистического миросозерцания, они не видят роли, которую играл при этом труд.

Животные, как уже было вскользь упомянуто, тоже, если и не в такой же мере, изменяют своей деятельностью внешнюю природу, как и человек, и эти совершаемые ими изменения окружающего оказывают как мы видим, обратное влияние на виновников этих изменений. Ибо в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление действует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи.

(Энгельс. Роль труда в развитии обезьяны в человека).

Язык не создан, а создавался. Создавался же он не тысячелетиями, а десятками, сотнями тысячелетий. Много десятков тысяч лет одному звуковому языку. Достаточно сказать, что современная палеонтология языка нам дает возможность дойти в его исследовании до эпохи, когда в распоряжении племени было только одно слово для применения во всех значениях, какие тогда осознавало человечество. Звуковому языку, однако, предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный или изобразительный язык, язык жестов и мимики. Самый древний письменный язык, возраст которого исчисляется обычно несколькими тысячелетиями, лишь молокосос по сравнению с действительной древностью безписьменных языков. До возникновения письмен-

ности произошел ряд таких коренных трансформаций в речи человечества, что наука до сих пор предполагает и так учит, будто существуют различные по происхождению расовые языки. Утверждению этой ложной, роковой для науки об языке мысли помогали памятники на письменных культурных языках, содействовавшие застывшими формами письменного языка и своим содержанием классово-национального происхождения дальнейшему углублению той же мысли, губительной не менее для новостроящейся общественности, чем для науки. Все это вскрылось благодаря материалам дошедших до нас пережиточно-архаических языков, языков сохранивших природу человеческой речи, каковой она была до первой из нескольких ее коренных трансформаций. Эти пережиточные языки сейчас распределены по-старому свету островками, единично в Европе (это баскский на меже между испанским и французским) и в Азии у Памира (это мало кому известный вершикский язык в окружении иранских наречий и языков, т. е. различных персидских наречий и разновидностей персидского языка) и значительной группой на Кавказе (это десятки так называемых коренных языков Кавказа, начиная с востока дагестанскими и с запада черкесо-абхазской группой и кончая на юге сванским, грузинским, мегрельским („мингрельским") и лазским последний между Батумом и Трапезундом, за рубежом нашего Союза). К этим редчайшим гнездам с народами, сохранившими языки доисторического строя (яфетические— условное название), примыкают несколько районов с переходными от доисторического к историческим типам человеческой речи. Важнейшие из них—1) балканский, где богатый наречиями албанский язык— переходный тип с яркими яфетическими переживаниями—удушается сплошным окружением славянским, греческим и романским (ныне итальянским) и особенно 2) приволжский, где чувашский сохранил почти непочато свой доисторический яфетический природный облик в окружении русского, турецкого, финского языков и наречий, да еще 3) в Африке хамитический берберский среди семитических. Однако все эти кажущиеся чуждыми, инорасовыми языки представляют лишь трансформацию тех же яфетических языков. Было время, на заре человечества, время более длительное, чем существование всех названных и других исторических языков, когда еще более многочисленные языки были одинаково яфетической природы, когда не отдельно Евразия, а целостно вся Афревразия была заселена яфетидами. Между прочим, средиземно-морская доиндоевропейская письменная культура, предшествующая, конечно, греческой, и сродная с нею малоазийская, так называемая хеттская и глубже древнейшая месопотамская, именно, шумерская, равно эламская, писаны на тех же яфетических языках. Теоретический правильный подход к ней в руках пока исключительно русских ученых и ученых нашего Союза.

Язык создавался в течение многочисленных тысячелетий массовым инстинктом общественности, слагавшейся на предпосылках хозяйственных потребностей и экономической организации. В языке не столько важны как факторы физиологические данные, сколь обществен-

ное мировоззрение и организующие идеи. Сами племена образовывались не по признакам физических данных, а по общественным потребностям, возникавшим в процессе развития хозяйственной жизни. Простых образований, девственно непочатых представителей какой-либо чистой расовой речи не только мы не находим ни в одном племени, даже яфетическом, но их никогда и не было. В самом возникновении и естественно дальнейшем творческом развитии языков основную роль играет скрещение. Чем более скрещения, тем выше природа и форма возникающей в его результате речи. Идеальная речь будущего человечества—это скрещение всех языков, если к тому времени звуковую речь не успеет заменить более точно передающее человеческие мысли иное техническое средство. Пока что задача современного языкознания—изучение техники языкового творчества для облегчения и ускорения совершающегося процесса языковой унификации, несмотря на все зигзаги твердо идущего в шаг с процессом унификации мирового хозяйства.

Мысль о долговечности какого-либо одного языка, каков бы он ни был по совершенству, так-же ирреальна, как учение современной европейской науки о происхождении индоевропейских языков от одного индоевропейского языка. Это сказка, может быть, интересная для детей, но для серьезных научных исканий абсолютно лишь негодное средство. Наоборот, каждый язык, в том числе и русский, должен быть изучаем в своем палеонтологическом разрезе, т. е. в перспективе отлагавшихся в нем последовательно друг за другом слоев, независимо от тех прослоек, которые являются результатом более тесного в позднейшие исторические эпохи межплеменного хозяйственного общения с новыми, как и русский, языками, также трансформациями яфетических языков, при чем эти языки-трансформации при полном их учете оказываются такими-же независимо сложившимися в своих особенностях языками, как и русский, и все эти языки во взаимоотношениях проявляют пережитки закономерных связей, характеризовавших те языки предшествовавшей формации, из которых, точно из коконов бабочки, они вылупились.

В этом смысле для изучения того же русского языка в смысле его происхождения более чем санскрит или греческий, или романо-германские языки важно знать д славянские и дотурецкие, болгарский, хазарский, сарматский, скифский, кимерский, шумерский, конкретно наилучшие представленные, как вскрывается это теперь, помимо приволжского чувашского или, что то-же, шумерского, в живой речи пережиточных яфетических народов как Кавказа, так Пиренеев и др. сродных районов Русский вопрос языковый неразлучен в то же время с вопросом о древностях самой занимаемой русскими территории, сохранившихся обычно под почвой (археология) или в быту у тех же по языку сближаемых племенных образований (этнография). История материальной культуры в целом, как продукта общественного творчества, неразрывно связана с историею человеческой речи; особенно

сильна эта связь за доисторические эпохи. Связь в памятниках материальной культуры волжско-камского района с Кавказом предметно-наглядно отвечает их же языковой связи, связи в речи часто настолько близкой, точно это два звена одной разорвавшейся цепи. Без учета этих закономерных языковых связей невозможна никакая ищущая происхождения исследовательская работа ни над историей материальной культуры, ни над историей возникновения языков, застигнутых здесь позднейшей историею не только русских, но и финнов.

Но вот тут и начинается критическое положение яфетического языкознания. Когда дело доходит до приступа к такой работе, работников по языкам не оказывается в той мере, в какой это необходимо не только в отвлеченных интересах новой теории, но и жизненно-практических самой нашей современной общественности, с ее раскрепощением всех языков внутри Союза и с ее освободительным устремлением международно в мировом масштабе. Господствующая индоевропейская школа языкознания не признает, да и не может признать, яфетической теории, так как она опрокидывает ее не только основные положения вроде сказки о праязыке, но и подрывает самый метод ее работы, исключительно формально-сравнительный. Разрабатываемая яфетическим языкознанием основная сторона истории языка, именно возникновение и развитие в доисторические времена, эпохи дологического мышления, значений слов, органически связанных с общественностью и с творчеством по материальной культуре тех же эпох (палеонтология речи и генетическая семантика), индоевропейскому языкознанию недоступна по отсутствию в поле его зрения подлежащих материалов. О примирении новой теории со старой по принципиальным вопросам не может быть речи, если индоевропеист не откажется от своих главных положений. Попытку некоторых из моих весьма немногочисленных учеников и особенно последователей перекинуть мост считаю делом более пагубным, чем желанием громадного большинства лингвистов-индоевропеистов абсолютно игнорировать яфетическое языкознание. Тем не менее, работники нам нужны, и лучших по технике работников, при том массово, мы не можем пока найти, чем те, которые числятся в кадрах индоевропеистов, если их привлечь соответственной темой. Тем у яфетического языкознания не обобраться. Эти темы: одни—общие, этнологические, как, напр., по вопросам о происхождении языка или доисторических древностях, другие—культурно-исторические, касающиеся клинописных памятников на яфетических языках или происхождения сюжетов и героев так наз. национальных литературных творений народного происхождения, третьи—по доистории того или иного исторического народа, четвертые—актуальные, общественные—не переставали быть первостепенно-научными, напр., темы по бесписьменным языкам или языкам с молодой письменностью, представляющие одновременно живой тот или иной национальный интерес переживаемой нами современности. По многим из этих тем к нам тяготеют то этнологи, то археологи, то историки, даже историки литературы, равно представители тех или иных национальных республик, и работа идет.

Однако работа пошла бы плодотворнее и сильнее при привлечении сотрудников-лингвистов из индоевропеистов по самым разнообразным языкам, западным и восточным, независимо от их отношения к яфетической теории. Однако в этом именно факте привлечения языков, слывущих за чуждые друг другу, в одну общую исследовательскую работу, одно из основных достижений новой теории. Исчерпывающая проработка яфетическим учением такой важной части речи, как числительные, с выяснением их техники, чревата последствиями практического значения. Вопрос о едином языке человечества хотя неизбежно идет к положительному разрешению, но это, разумеется, дело далекого будущего. Установление же одной общей терминологии числительных для всего цивилизованного мира может совершиться в порядке таких культурных достижений в жизни человечества, как одна общая метрическая система, один общий календарь и т. п.. К тому же, идет ли речь о теории или о практике, существо дела всегда в числах, неразлучных с техникой. В этом самый закоренелый идеалист не может разойтись с материалистом.

(Н. Я. Марр. „К происхождению языков" Избранные работы. Том 1. Этапы развития яфетической теории. Стр. 217-220.)

Когда мы приступаем к обучению грамотности на родном языке, то начинаем с букв: предварительно усваивается алфавит. Когда приступаем к обучению чужому языку, то начинаем с ознакомления с отдельными звуками, особенно с теми из них, которые несходны со звуками нашей речи. Так мы приучены к самостоятельности каждой буквы, так привыкли мы к тому, что каждый звук воспринимается отдельно, точно человеческая речь начиналась с тех отдельных звуковых величин, которые теперь произносятся с такой ясной членораздельностью и легкостью, точно самородки или хотя бы первичные элементы. Между тем ни отдельных звуков, ни даже представления о таких отдельных звуках не существовало и тогда, когда человечество стало пользоваться звуковой речью.

Впервые сложившаяся речь разлагалась не на отдельные членораздельные звуки, а отдельные звуковые комплексы, цельные слова, в своей цельности членораздельно произносимые всего четыре основы, из которых слагается основной лексический состав языков всего мира. Конечно, каждый из этих четырех основных элементов представлял и комплексный звук с невыделяемыми из его состава потенциальными звуками этого комплекса. Долго и долго отдельные звуки не были диференцированы в той степени, как впоследствии. Даже став членораздельными, звуки сначала сохраняли диффузность, были диффузными, что отчасти пережило в дошедших до нас языках.

Вначале же у человека не было вовсе привычной впоследствии членораздельности, он в ней не нуждался, обходясь без звуковой речи, располагая обиходной речью кинетической — ручной или линейной. Звуковая речь впоследствии становится обиходной речью, раньше же она была

культовой речью. Когда мы встречаемся с фактами существования двух литератур, мирской и духовной или церковной, вернее церковной и мирской даже двух письменностей, двух алфавитов, это нас не поражает нисколько. Не поражает и то, что у многих народов письменность, resp. литература сначала религиозная, затем лишь мирская или светская, хотя мы отлично знаем, что религиозная культовая литература у ряда исторических народов, большинства их, позднейшая. Но когда поднимаем вопрос о двух языках, обиходном и культовом, возникает ни на чем не основанное сомнение, хотя разницы между ними было больше, ибо обиходный язык и позднее возникший звуковой отличались друг от друга коренным образом орудием производства, и символы, в одном случае—руки и линии, в другом случае—язык с аппаратом произношения и звуки.

Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком—жестами и мимикой, при чем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык по господствующему в нем орудию производства был, можно сказать, ручным.

Работающая рука была организующим началом, был ручной разум. Звуки не играли в процессе ручного говорения никакой роли, если исключить разве выкрики аффекта, но эти выкрики не были еще тогда вовсе членораздельные звуки.

Раз возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностями общения, раз для этого имелся обиходный язык линейный и ручной, раз возникновение членораздельных звуков не могло вызваться потребностью звуковой речи, раз ее не было и нужды в ней не было, то происхождение приходится искать в иных условиях трудовой жизни, именно, как и происхождение трех искусств, одного линейного—пляски, двух звуковых—пения и музыки, т. е игры на инструменте. Происхождение это приходится искать в магических действиях необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс. Как известно, пляска, пение, музыка первоначально не представляли трех отдельных искусств, а входили нераздельно в состав одного искусства.

(Н. Я Марр. Яфетическая теория, стр. 99-101. Баку 1928 г.)

Расширение круга пользующихся звуковым языком, умножение звуковых слов по профессиональной линии, номадную-кочующую-ли ведет еще человеческий коллектив жизнь, травоед ли он или уже охотник, идет все с сохранением „культового“ характера за речью, слова продолжают быть магическими, играют роль не только орудия общения в начальные эпохи, не столько орудия общения (тогда общаются еще кинетической или ручной речью), сколько вспомогательного средства для успеха в своем производстве, удачном сборе с'едобных, равно целебных трав или удачной ловле дичи. Этим магическим характером подлинно первобытного быта, связанного с хозяйством травоядения или древоядения, поедания древесных плодов, сока деревьев или животно-

ядения и об'ясняется пережиточное сохранение, напр., магического характера, таинственного, за речью во время охоты: в быту на Кавказе у сванов, абхазов и по сей день существует особый охотничий язык.

(Там же стр. 63-64.)

Само собой понятно, что никакого единого языка на заре человечества не было и, как вскрывает яфетическое языкознание, о таком едином языке только первобытная наивность может ставить вопрос. Начальная речь это зачаточное стадное звукоиспускание различных видов человеческих творений, как животных, у различных видов различные звуки или нечленораздельные звуковые комплексы. Собственно самой речи еще нет до возникновения племен в путях скрещения различных стадных об'единений человеческих тварей различных видов. С племенем, всегда скрещенным и располагающим, уже в соединении, естественными животными звуками различных видов, начинается обогащение языковых средств и очеловечение звуковой речи с ее осмыслением, возведение звуковой речи на уровень осмысленного, уже человеческого взаимообщения, происходившего при посредстве линейного или графического языка, жестов и мимики. Но у каждого племени, какое бы оно ни было скрещенное и сложное по речи, свой особый язык; общий у различных племен на этой стадии доисторического развития человечества лишь типология и семантика речи, т. е. построение речи и в ней осмысление немногих находившихся в распоряжении племен слов, но сами звуковые комплексы, самый звуковой язык у различных племен изначально различный. Общий язык ряда племен, тем более единый язык, есть позднейшее достижение, впрочем не вполне осуществленное, а давшее различные семьи языков. Само образование семей языков есть позднейшая стадия в развитии языков многоплеменного человечества, в числе их образование индоевропейской семьи есть последний пока пройденный этап на этом пути изначального множества языков к единому языку. И не только единый праязык индоевропейской семьи языков есть фикция, но самое определение этой семьи, как расово отличной речи, есть такая же фикция.

(Н. Я. Марр. Об яфетической теории стр. 192-195 П. Э. Р. Я. Т. М. Л 1926 г.)

Сравнительная работа в нескольких плоскостях вскрывает невероятную глубину времен зарождения человеческой речи, поскольку эта глубина освещает непоследовательностью фактов одних звуковых перерождений исторической длительности в одной какой-либо типически сложившейся семье языков, а непрерывной цепью пройденных этапов типологических переоформлений, каждый этап длительности геологического процесса, при этом рядом с фонетическими и морфологическими вообще, чисто языковыми, перерождениями приходится учитывать соответственное естественно-историческое развитие общественности и перерождения социальных типов бытия, прослеживая их на языковых фактах, особенно в морфологии и семантике, в глубь времен, за пре-

делы семьи в обычном родовом восприятии, через матриархат к тотемическому строю и далее. Следовательно, дело не только лишь в том, что в порядке последовательного развития одного типа из другого, языки флективные, агглютинативные и синтетические, или аморфные образуют непрерывную хронологическую цепь в пределах одной и той же семьи яфетических языков. Дело и не в том, что трехсогласный состав яфетических корней, вторящий такому же положению в семитических языках, вскрывается как результат развития более раннего состава из двух согласных и т. п. Дело в том, что в явлениях языка закономерно отражаются общественность с ее психологией различных эпох, в том числе и древнейших. Формы множественного числа оказываются нормальным состоянием имен, так как еще не было представления об индивидуальном существовании в наличной общественности стадного периода. Лица не различались в речи даже тогда, когда уже появилась потребность различать их: одно и то же слово служило для выражения каждого из трех лиц. То же самое слово, обратившееся в личное местоимение, долго еще носило форму множественного числа, так как восприятие единой личности было все еще чуждо господствовавшей общественности. Особенно ярко наблюдается пропасть, отделяющая те доисторические времена от исторических эпох, в значимости слов или семантике. В доисторические времена существовали не только иные значения, но совершенно иные основы словотворчества или словоупотребления,—в зависимости от общественности и неразрывно связанной с ней психологии. В яфетических языках наблюдаются отложения словотворчества из эпох восприятия мира в образах космических и микрокосмических явлений, когда небо, земля и вода представлялись одним предметом, по всей видимости живым существом, существом, находившимся в трех плоскостях, верхней, земной и преисподней, а члены его тела представлялись повторением такого же космического восприятия физического строения человека. Все это давало возможность выражать мысли небольшим запасом средств звуковой речи, получавшей гражданство взамен начальной — изобразительной (или жестами, или мимикой). Яфетические языки вскрывают, что „слово“ первоначально воспринималось не как нечто произносимое, а как орудие взаимоосведомления; яфетическая звуковая речь сохранила такое восприятие речи, между прочим, в термине „говорить“, собственно означающим „осведомляющий устами“ или „лицом“ сравн. pir-utkv-i „бессловесное животное“, буквально не умеющий осведомлять устами или лицом Состав первых произносимых слов, естественно, скудный, определялся прежде всего вкладом тотемно-организованной племенной жизни (как бы ни понимать тотем, как религию клана, комплекс социального, психологического и обрядового элементов, или еще иначе). При примитивном племенном тотемизме; когда одним именем или эмблемой обозначалось и племя, и „священные“ для него предметы, словарное обогащение звуковой речи могло наступить только при образовании отдельных кланов из различных племен на тотемных началах, путем социализации индивидуальных тотемов. С этим связана неизбежность

скрещения языков, процесса столь-же необходимого вначале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выработки новых более совершенных ее типов и для зарождения новых многочисленных видов и подвидов.

(Н. Я. Марр. П. Э. Р. Я. Т. М-Л 1926 г. Яфетиды. стр 113—115.)

Попробуйте об'яснить научно да философски, что такое язык или что это за современность? Об языке написаны томы специалистами. Могу вас заверить с сознанием полной ответственности за такое утверждение, что именно у специалистов нет ни одного удовлетворительного определения языка. Специалисты-языковеды прекрасно владеют знанием использования языка писателями или вообще в письменном и устном обращении, особенно кругов „образованных“, т.е. оформленных идеологически и технически в классовую сущность феодально-буржуазной общественности; ими накоплены ценнейшие наблюдения, имеются очень четкие по ним суждения, выработанные эмпирически, но они не знают, что такое язык по своей общественной природе, по своему происхождению. Хуже того: они отказываются от постановки вопроса о происхождении языка, как от проблемы метафизической, т. е. стоящей выше средств познавания, или оправдывают свой отказ ссылкой на недостаточность собранного материала и еще большую недостаточность исследования источников, главным образом письменных, еще лучше, если эти источники „мертвые“, какой-либо „мертвый“ язык, хотя бы клочок его. Ими, однако, обращено внимание и на живые массовые языки: собрано громадное количество материала. Все более и более расширяется круг собираемых материалов. Эта тяга по собиранию материала перекочевала в пооктябрьские дни. С Октябрьской революции внимание, в частности и к русским говорам, усугубилось, удесятерилось: нет ни одного института или организации, в том числе и краеведческой, с языком в программе, где бы эта собирательная работа не велась в разрезе самых разнообразных интересов, но не знают, что с ними делать, с этими собраниями: в старом научном построении об языке им, живым „диалектическим“ материалам так наз. „народа“ так же нет места, как массовому низовому населению не было места в старой общественности. Современность же это не только теоретическое отрицание прошлого, а практически его диаметральная противоположность: это новое мировое строительство с небывалыми безграничными перспективами в будущее. В его развертывающемся процессе жестокой классовой борьбы перестраиваются сами строители, массы сознательные, а за ними несознательные и те, что казались сознательными, бывшие верхи. Перестраиваются мировоззрение, мышление, категории логики, сама техника мышления, перестраивается язык. Можно ли эту колоссальную по разнообразию громадину—современность—понять при таких качественностях глубоко понять без столь же раньше не бывалых, можно сказать безграничных перспектив и в сторону прошлого? А кто способен нам сказать про то далекое прошлое, зарю самооче-

ловечившегося зверя, уж разумного и говорящего или по пути к овладению разумом и языком? Кто или что?—Язык, только язык.

Если мы языку, речи, словом тому, что само по себе не есть материальное производство, противополагаем современность, то, очевидно, речь идет о производительном деле, с неизбежным трудовым процессом, продукции его, что является и целью, и осью, и содержанием современности. Имеется, значит, в виду слову, речи, языку противопоставить дело с самостоятельной целевой установкой или имеется в виду слово, речь, язык согласовать с делом, да с делом современным, т. е. с живой и активной нашей творческой современностью, имеющей целью... что?—строить фабрики и заводы, снабдить каждую фабрику, каждый завод сырьем, обеспечить энергетическими силами, собрать умелые и искусные рабочие руки, способные справляться с новейшими орудиями производства и овладеть их техникой, наладить успешное фабрично-заводское производство, подготовить кадры спецов для руководства работой с новыми усовершенствованными машинами? Да зачем?

Да вот создаются мощные индустриальные центры, уже не в городах, а на местах добычи сырья, извлекаемого из под почвы или взращиваемого почвой и собираемого с ее поверхности в лесистых и пустынных пространствах величиной с иные зарубежные мировые республики и государства, в эту пустошь тянутся человеческие массы, на этих гигантах растет новая общественность, и пустыни имеют обратиться в обезлесенные просторы и лесные уюты. А зачем? Чтобы только быть всем сытым, в тепле и удовольствии и производить детей и только? Вот тут и загвоздка, про которую не всегда помним, часто забываем в трудовой жизни, уходя с головой, всеми мыслями, со всем увлечением в свое производство, или, наоборот, занимаясь делом по необходимости как постылым трудом в стремлении уйти также целиком от производительной работы—в стремлении (что же делать?) при пережиточной тяге к „общественным" забавам и удовольствиям, забыть все, кроме них, этих не только развлечений, но и отвлечений. И вот тут-то и приходит на помощь язык и, вызывая из забвения, напоминает то, чего нельзя забывать, ибо язык есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения, также двигающих сил, и потому в нем, мышлении, имеет магическое средство для сдвигов в производстве и производственных отношениях не только при их зарождении и зачаточных формах социальной структуры, но и в наши дни. В сегодняшних переживаемых нами событиях мирового порядка к языку так же метко применяется, как и вчера и сотни тысяч лет тому назад, следующее суждение Ленина, высказанное им в труде „О праве наций на самоопределение": „Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с на-

селением, говорящим на родном языке, при устранении всяких препятствий к развитию этого языка и закреплению его в литературе. *Язык есть важнейшее средство человеческого общения.* Единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец, условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцем и покупателем. Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения". [1]) Для Ленина язык не существовал без мышления, он резко отчеркнул и проблему „язык=мысль". И вот этим-то несравненным по своей действенности средством человеческого общения, именно языком-мышлением, приходится пользоваться как магическим средством, чтобы не только мимолетно приподнять настроение в работе, усилить темпы и с увлечением успешно довести свое сегодняшнее дело до конца, но организовывать труд с осознанной на многие годы планировкой в условиях беспрепятственного его технического усовершенствования. Какой труд?—Производительный труд, обращенный классовой общественностью в позор неволи и рабского принуждения. Этот труд, преданный проклятию в изначальных, казалось, непререкаемо авторитетных священных книгах и обесславленный в человечестве, выявляется вечно зеленеющим и все растущим чудодейственным жезлом в руках коллективного человека, как хозяина, источником жизни и все-таки для чего? А для небывалой в истории человечества цели. Какой? Да той, что на переживаемом отрезке времени является актуальный, что и есть современность, реальная современность, именно перестроить мир, перестроить мир вширь и вглубь, до его основ, перестроить свой быт, быт всего массового населения, впервые количественно (непосредственно в одной шестой части мира) и качественно (с диференциалом сотен разновидностей мировоззрения и мышления от палеолитического, тотемного, до классового техностроительного современного) приведенного во всей его разношерстной целокупности в организованное движение Октябрьской революцией, и не только сменить в процессе нового массового социалистического строительства прогнившие основы, потрясенные устои, но и массово осознать это переустройство быта, это переустройство бытия, осознать подлинную целевую установку и подлинную причинность существующего мира, как новый источник для еще более качественно-высокого действия— для поднятия всего населения и каждого в отдельности на, казалось, недосягаемую высоту человечности, более того—сверхчеловечности, если коммунистическую подлинную человечность будущего сравнивать с нынешней буржуазной человечностью.

---

[1]) В. И. Ленин. Соч. т. XVII. 2-е изд. стр. 428. Курсив мой. Н. М

И вот тут роль языка, и, следовательно, мышления выступает во всем блеске и торжестве своих не превзойденных пока средств живого приобщения к тому, чем и как в действительности движется наш человеческий мир: некогда ничтожные, ничтожнее мощных и природой исключительно вооруженных зверей, слабосильные животные вышли коллективным трудом, коллективизацию, регулируемой природными закономерностями работы каждого из них по виду из зверино животного состояния и вступили не в человеческое еще состояние, а общее людское; постепенно животные, становясь людьми, одолевали неведомые и потому враждебные силы природы (на деле производительные силы, собственно производственные ресурсы природы), преодолеваемой и перестраиваемой коллективным трудом указанного порядка, помогшим им диференцироваться по производству (а не по природному происхождению) и скакнуть одной из диференцированных групп коллектива из животного мира в люди, увлекая собою весь коллектив в новую формацию, людскую; и уже люди, они не только одолели, но создали из них послушное орудие все более и более организованным технически, все более и более емким идеологически и все более и более четким осознанием диалектического взаимодействия нарастающей техники актуального материального производства и неиспользованных природных сил, этих противоборствующих доселе идеологическому накоплению за несколько миллионов лет трудовых социальных элементов, и сами создали в процессе своего становления людьми, на помощь источнику именно этого становления, производству в движении, развитии его процесса и техники—ряд средств, раньше никогда не существовавших, в том числе создали они язык-мышление как орудие производства, обращенное во что?.. В общественности—прежде всего в орудие коллективной эксплоатации и одновременно в орудие борьбы с эксплоатируемой производственной группировкой и средство человеческого общения в своей производственной группировке, когда язык, особенно звуковой язык, становится средством вообще человеческого общения (это уже в поздние эпохи классовой общественности, сословной и особенно при более резко выраженной классовости алфавитной письменностью, да и тогда у различных классов наличны различные диференцированные языки, и своим отличным языком у каждого класса также иное классовое мышление).

Кого интересует кажущийся отвлеченным „теоретический" вопрос о происхождении языка, тому, опираясь, следовательно, на четкие представления нового философского именно по языку мировоззрения, совершенно доступного социалистическому научному мышлению и направленного, как оно, как сама Октябрьская революция, на бесклассовость, мы можем с полной уверенностью сказать, что у прежнего восприятия вопроса о происхождении языка нет более основания, почва ушла или уходит из-под ног. Громадной актуальной важности теоретическая проблема о происхождении человеческой речи новым учением ставится так (да она иначе и не может ставиться), что все страхи об ее неразрешимости отпадают, они уже отпали. А как быть со спе-

циалистами-языковедами старой школы, чувствующими себя беспомощными перед этой проблемой и, не спорим, отнюдь разумом не столь нищими, чтобы они отрицали ее мировое значение? Ведь они признавали и признают часто искренно, а не в иных абсолютно не теоретическо-языковедных научных целях конкретную работу над происхождением языка, как и вообще проблему происхождения, метафизической, т. е. стоящей выше наших средств познавания. Так как же с ними быть? А никак. Значит, отказаться от борьбы? Наоборот, здесь в данном вопросе не с кем бороться. Мы имеем не „языковедный фронт" (в ковычках), а лиш фантом, призрак, без огня и не дым, а смердящий чад. Но и подлинное старое учение об языке—лишь фантом, когда оно не занимается генетическими вопросами, не способно ими заниматься. Для нас метафизикой является именно отказ от постановки проблемы о происхождении языка и от работы над ее разрешением: языковед, отворачивающийся от проблемы о происхождении языка, как не своего дела первой очереди в теоретических изысканиях, тем самым вычеркивает себя из числа языковедов.

В чем же дело? А в том, что когда мы говорим об языке, то мы имеем в виду не одно звучание речи. Язык бывает и не звуковой, а ручной, как у глухонемых, говорящих не языком новейшей школьной дрессировки, а бытовой, от древности унаследованной ручной речью. Эта ручная речь была сотни тысяч лет единственным обиходным языком в мировом масштабе, и, во вторых,—это основное дело—мышление, как язык, есть явление „становления", и его сущность и техника, а с ним и его роль, изменяется в корне по сдвигам.

Сдвиги в языке, обусловленные пережитыми сдвигами в материальном базисе, настолько мощны, настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениям, что новые поколения по языку кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета и, казалось бы, противоположных понятия обозначаются одним словом, [1]) и ясно, что речь идет об языке не только как звучании, общественно-звуковом выявлении, но и как о «сокровенном» его содержании, вполне доступном нашему наблюдению, именно о мышлении. „Отстранение лингвиста от суждения о мышлении это наследие европейской буржуазной лингвистики, как проклятие, довлеющее не только над теоретическими изысканиями по языку" но и „ над всеми нашими предприятиями и по организации исследовательских и учебных дел", [2]) всякой специальности, не только по языку". „Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления".[3]) Как без мышления? Ведь значения слов не только изучались, но по изучению этих значений создан был особый отдел и для него особый термин

---

[1]) Н. Марр. Язык и мышление. Соцэкгиз, 1931, стр. 14.
[2]) Там же, стр. 28.
[3]) Там же, ibia.

„семантика"? Тем не менее, факт, что в старом учении существовали законы фонетики (законы звуковых явлений), но не было законов семантики—законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе и слов Значения слов не получали никакого общественно-идеологического обоснования. Новое же учение об языке к проблеме о мышлении подходит диалектически, разделяя ее на вопрос более сложный (собственно осложненный нашим заранее уже готовым ложным представлением) о возникновении людской речи, т. е. мышления-языка, и на вопрос о позднейших, в промежутке между ним и возникновением мышления-языка, сменах техники мышления. Эти моменты мало, а вернее совершенно не учитывались; между тем этих смен несколько. Они проистекают в своей динамике (т. е. творческом движении) от коренных сдвигов в производстве и слагающихся по производству социальных отношениях, их несколько стадий. Новое учение об языке в первую голову ставит вопрос о стадиальных сменах техники мышления и разрешает положительным раз'яснением мышление, предшествовавшее логическому так называемое дологическое. Установлен ряд ступеней со сменой закономерностей и техники. И затем, с конкретным на языковых фактах установлением развития мышления ранних стадий, между ним, исторически развертывающимся по стадиальным ступеням мышлением, со сменой закономерностей и техники, и между логическим мышлением выяснилась двойная качественная разница. Во-первых, так наз. логическое мышление есть лишь формальное; во-вторых, предшествовавшее мышление ранних стадий, когда оно сложилось, мало сказать было идеологическое, наглядно увязанное корнями с материальной базой; оно было одновременно и идеологически, и технически (формально)—синтетическое, и такому мышлению отнюдь нельзя отказать в логичности: оно, это мышление, также было логическим, но менее абстрактным, более наглядным, по увязке с материальной базой, диалектико-материалистической логикой, соответствующей в базисе—первобытному коммунизму.

„Новое учение об языке по яфетической теории основано в первую очередь на закономерности возникновения и развития сначала речи, потом слов как социальных стоимостей, порождаемых производственными отношениями в процессе их диалектического развития и оформляемых мышлением соответственных стадий и в том же порядке, возникших взаимоотношений, в речи—увязок, служебных частиц"... „Вскрыв смены значений слов, этих надстроечных социальных стоимостей (противоположных или количественно и качественно различных) на различных ступенях стадиального развития, новое учение об языке не выделяет вопроса о происхождении мышления из глоттогонии (языкотворчества), и, ставя проблему о происхождении языка, ни как основную, тем самым считает первоочередной и проблему мышления, отводя служебное место технике речи, звуковая она или ручная". [1]

Н. Я. Марр. Язык и современность, стр. 7—13.

[1]) Н. Марр. Язык и мышление, стр. 33—34.

Однако служебность отнюдь не надо понимать в смысле подчиненности, а функциональности иного порядка, опять-таки со сменой одновременно с функциями и орудия и способа отправления функций. Самая смена орудия и способа отправления функции также неразрывно увязана с мышлением, т. е. и она идеологична, и она материалистична. и она диалектична.

В то же время, т. е. при всей вскрывшейся наглядной связи с материальной базой, как источником их происхождения, сами эти языковые явления отнюдь не могут быть отрицаемы, как составляющие в сумме процесс языкотворчества, как нельзя отрицать материальной видимости ручной или звуковой речи, отвергать, как выражается Маркс, „вешной видимости общественного труда". Правда это говорит Маркс в книге, посвященной процессу производства капитала, но не говорил о том же и доселе не говорит ни один специалист-лингвист старой школы, ни индоевропеист, ни лингвист-этнолог или этнограф, ни в одной языковедной работе не говорит, так как он проблемы о происхождении языка не признает и процессом происхождения языка, естественно, и не занимался, не мог, да и не имел данных, чтобы заниматься; новое же учение об языке не только вынуждено было самими языковедными фактами и своим теоретическим развитием осознать и поставить проблему о происхождении языка, но в работе над ней установило историю становления языка, т. е. вскрыло „процесс производства капитала", но надстроечного, важнейшей по разнообразию функций и главнейшей по идеологической емкости категории в надстройке, именно—языка мышления. Ведь факт, что никакой Крез, никакой британский или американский банк, никакой национальный, или международный капитал не содержит такой громады накоплений, накоплений всего человечества за все время его человеческого творческого существования, как язык, разумеется, неразрывно с мышлением и со всеми теми способами выявления мышления, которые получились в надстроечном процессе, процессе развития языка. Но суть дела сейчас не в этом количественном моменте накоплений языка-мышления, а в способе их созидания, процессе их производства, имеющем одни и те же основы с „процессом производства капитала", разработанным Марксом. И что же, разве Маркс не чуял, более того, не сознавал громадной важности универсальной значимости установленного им в связи с процессом производства капитала положения о возникновении стоимости того, что к предметам экономически раз'ясняемой стоимости относится и язык? Увы, думал; к стыду языковедов не языковед Маркс раньше подумал и он дошел до этого раньше, чем лингвисты и нового учения об языке. Лингвисты-индо-европеисты да и вообше их, если можно так сказать „этнографические" разновидности и не думали доходить. Между тем, поучительно послушать, как Маркс оценивает правильное экономическое понимание стоимости: „Научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости представляют лишь вещественное выражение человеческого труда, затраченного на его производство, составляет эпоху в истории

человечества, но оно отнюдь не уничтожает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особой формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфический общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве, как человеческого труда вообще, и что он принимает форму стоимости продукта труда. Между тем, для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего—как до, так и после указанного открытия—кажутся имеющими всеобщее значение подобно тому, как свойства воздуха, его физическая телесная форма—продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы".

На лекции лабораторного порядка мы могли бы иллюстрировать на конкретных языковых материалах, как в надстройке „специальные особенности" языкового производства, имеющие корни во всех случаях в материальной базе, производстве и общественных отношениях, в частности и значения слов, продукты, в конце концов, трудового процесса, как стоимости, представляющие лишь материальное (вещественное) выражение человеческого труда, кажутся имеющими всеобщее значение, как, примерно, у того же воздуха, как термина, свойства этого слова—его материальная звуковая форма с присущим ей в обращении смыслом—понятием пар, связанным с воздушным веществом, в словарях толкуется везде не только как среда, окружающая земной шар и организующая атмосферу, но и как тонкая упругая и прозрачная жидкость с момента установления соответственного мировоззрения на определенной позднейшей стадии. Эти специальные восприятия существовали и продолжают существовать, несмотря на то, что наука (новое учение об языке) разложила его, термин „воздух", как составной, на два слова из четырех элементов, одно, именно начальная часть —„во+з" из элементов ВС, означало верх, другое, вторая часть „ду+х", из элементов АС, означала небо, одно из трех небес, верхнее '=' наше небо', 'нижнее'=' наша земля', и что ниже земли, подземное'=' наше море', 'реки' и т. п.; вместе «воз+дух», верхнее небо', 'и отсюда воздух', как то мы понимаем. [1] Но, помимо того, что в нашей аудитории трудно следить за техникой всех конкретных языковых материалов и их специфическим раз'яснением, мы имели в виду, приводя это место из „Капитала" лишь показать, в какой обстановке Маркс привлекает язык, совершенно правильно лингвистически в свое раз'яснение стоимости предпосылая его только что приведенному суждению: „Люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда как стоимости,—читаем у Маркса,—не по тому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот:

¹) Ср. мегр. du-q, resp. qu-m 'a'—мегр. di-qa 'земля'—›Di-qa 'глина', ср. у русских „земля" (женск. р. в ед. ч.) от полной основы „земель" zemel, нем. мужск. „der Himmel", 'небо', с усечением конечного слога -el, в значении 'вкуса' [←'неба'—'неба'] еще без дифференциации с разносоциальной (патриархально-матриархальной) мужск. и женск.) огласовкой—ge-mo (/ge-mor откуда прил. ge+mr-i+el 'вкусный')

Приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты, как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы, как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. (Точно так же, как у слов на лбу, т. е. в их оформлении, формальном моменте, не написано то, что они действительно имели функцию обозначать, когда возникали). Более того, стоимость превращает каждый продукт труда в таинственный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного продукта, потому что определение предметов потребления, как стоимостей, есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык".

Это заключительная формулировка Маркса стоимости материального производства, но, поскольку язык есть надстройка производства, то и языковые стоимости, в том числе и значения слов, относятся сюда и фактически они не только отнесены туда новым учением об языке, но благодаря ему конкретные языковые материалы всеми порами, всеми молекулами сложного комбината говорят ярко то же самое, являются независимо отработанными в процессе языковедного исследования показательными препаратами к общему положению о стоимости вообще, как то формулировал Маркс и как он же отнес сюда сам по общему теоретическому построению и язык. Так обстоит дело с новым учением об языке по яфетической теории, но, когда мы обращаемся к единственной еще пока существующей, продолжающей существовать и у нас лингвистике, индо-европеистике, мы испытываем один конфуз, ибо прежде всего в их арсенале не находим даже терминов, нехватающих нам в этом совершенно новом деле. Буржуазная наука не занималась идеологическим моментом, как подлежащим в исследовании систематическому учету с какой либо закономерностью. От старого учения об языке мы получили в наследие и термин, сколоченный из греческих слов, означающий языкотворчество,—это глоттогония, но нет термина ни для явлений мышления, ставших предметом особого исследования—мыслетворчества, по-гречески звучало бы „логогония", ни для техники особо для мышления—„логотехники"—и особо для линейных или звуковых форм, в которых выявляются мышление, т. е. „глоттотехники", если в построении терминологии мы будем держаться последовательно греческих словарных материалов в интересах интернационализации.

Понятно, почему специалисты старой языковедной школы не дошли до этих существенных моментов языкотворчества. Это проистекло вовсе не от недостаточных знаний, способностей и стараний буржуазных лингвистов, а от отсутствия потребности доискиваться какого-либо источника происхождения мышления и разума людей, которыми человек, предполагается, был наделен со дня его создания богом, а кто сознательно не учитывал бога и в языкотворчестве для него человек был наделен неизвестно кем теми же дарами со дня его возникновения. И в этот круг свободомыслящих входили и входят иные материалисты: по их представлению, человек оформившийся фи-

зически из обезьяны, получил если не разум, то некоторые его задатки, как некоторые задатки языка, от животных. Отсюда та ложная установка проблемы о происхождении языка, поиски условий его возникновения целиком и по совокупности в одном начальном пункте, на грани расставания человека и животного, тогда как расставание со зверем не человека еще, а очеловечивавшегося животного, представляет длительный, многих десятков тысячелетий период состояния членом коллективного одомашнения в процессе коллективного производства с последующим расслоением противоборствующих в одном и том же коллективе сил, одинаково одомашнивавшихся животных, но с выделившейся уже зачатками человечности группы, и животных. Пережитком от этой разноприродной общественности в самом человеке доселе остается отнюдь не изжитый зверь и в его обществе одно из древнейших не одомашненных, а одомашнившихся с ним животных. в первую очередь по дальнейшей значимости своего разнообразного и длительного сотрудничества с ним—'собака'.

Для правильной постановки проблемы о происхождении приходилось таким образом сосредоточить внимание опять-таки на развитии мышления, кардинальные в нем смены между формально-логическим мышлением и началом очеловечения нашего животного вида, исходя, следовательно, от акта очеловечения, процесс которого уже разгружен так наз. палеонтологиею речи и имеет еще более быть разгруженным.

(Н. Я. Марр. Язык и современность. ГАИМК. 1933 г., стр. 25—29).

Поляризация. Еще Я. Гримм был твердо убежден в том, что всякое немецкое наречие должно быть либо верхне-немецким, либо нижне-немецким. При этом он совершенно не нашел места для франкского наречия. Так как письменный франкский язык позднейшей Каролингской эпохи был верхне-немецким (верхне-немецкий перебой согласных затронул франкский юго-восток), то франкский язык, по его взглядам, в одних местах растворился в древне верхне-немецком, а в других—во французском. При этом оставалось совершенно непонятным, откуда же попал нидерландский язык в старо-салические области. Лишь после смерти Гримма был снова открыт франкский язык: салический язык в своем обновленном виде в качестве нидерландского, рипуарский язык,—в среднем и верхне-рейнских наречиях, которые отчасти сместились в различной степени в сторону верхне-немецкого, а отчасти остались нижне-немецкими, так что франкский язык представляет собой наречие, которое является как верхне-немецким, так и нижне-немецким.

(К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. XIV, 445, 446, 1931 г.)

Русский язык прогрессирует в сторону английского—нэпо,—ком.—проф,—сов,—рабкооп.

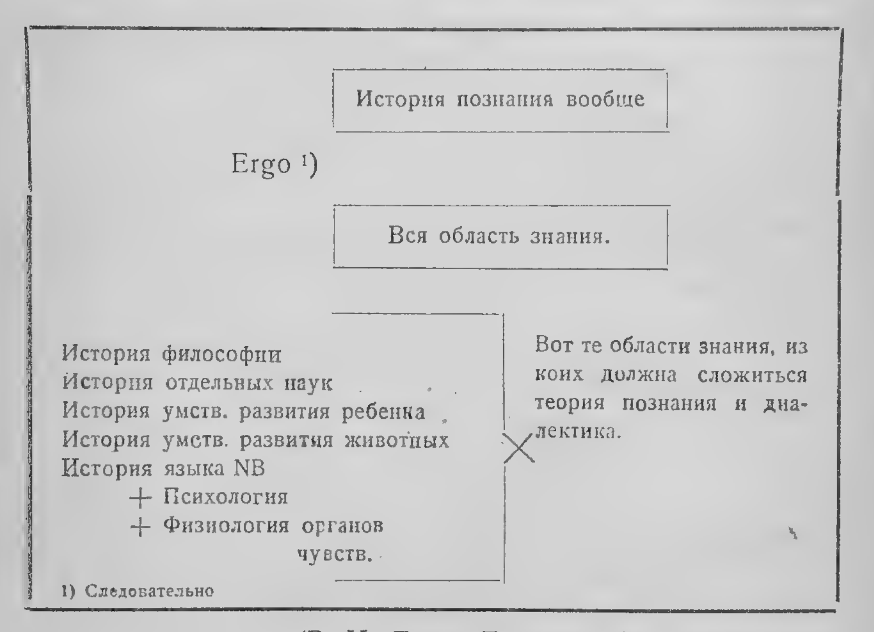
(В. И. Ленин. План к статье „Заметки публициста, относ. к 1922 г. Соч. XXVII, 525)

Наша революция теперь, всего через полтора года *господства большевистской власти*, добилась того, что новая государственная ор-

ганизация, которую она создала, советская организация стала понятной, знакомой, популярной рабочим всего мира, стала своей для них...

Теперь во всех странах слово „большевики“, слово „Совет“ перестало быть чудаческим выражением, каким было недавно, вроде слова „боксер“, которое мы повторяли, не понимая. Слово „большевик“ и слово „Совет“ повторяется теперь на всех языках мира.

(В. И. Ленин. Об обмане народа лозунгом свободы и равенства соч. 27. стр. 305 и 306).

(В. И. Ленин Лассаль о философии Гераклита Ленинский сбор. т. XII, стр. 315).

...по яфетической теории, человечество не начинало единым языком, а шло и идет к единству языка всего человечества. Яфетическая теория выясняет пути этой эволюции мутационного (перерожденческого) порядка, ряда смен одной системы другою, и технику каждой типологически новой системы, приближавшей и приближающей нас к будущему типу единого языка. Разумеется, на этом пройденном в течение многих и многих тысячелетий пути потрачено человечеством громадное количество труда и имеются поразительные достижения, многим кажущиеся, многим именно из круга ученых кажущиеся, по темпераменту их или умонастроению, сказкой или, что то-же, не заслуживающими доверия чудесами. Но может ли человечество отказаться от того, что достигнуто ценой столь длительных и громадных усилий.

(Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 18-19 Баку).

Синтетический, или аморфный, иногда называется моносиллабическим, т. е. односложным, так как языки синтетической или аморфной системы обычно состоят из односложных слов. Термины же „синтетический“ и „аморфный“ говорят с двух различных точек зрения не только об одной и той же системе, хотя каждый из этих терминов представляет, естественно, сумму различных особенностей, но говорят ни об одном и том же явлении, ибо синтетический или складываемый обозначает реально язык, в котором функции отдельных слов, как частей предложения, во фразе определяются тем, как складываются слова, порядком их расположения, а не формой каждого из них, каковой нет у языков этой системы, почему она называется и аморфной, т. е. без форм.

Диаметральную противоположность аморфной или синтетической системе языка представляет система флективных языков, в которых определение взаимоотношений слов переносится целиком на их оформленность, так что каждое слово нормально в себе носит значение двух порядков: одно значение—выражение предмета без определения времени и пространства, без указания его связей с другими предметами, другое значение это выражение этих именно отношений, т. е отношений выражаемого словом предмета к другим предметам, выражение отношений не только к пространству, но одновременно и к пространству и ко времени. Отношение предмета к пространству это отношение с известных пор для звуковой речи ранних пор, к лицам или к олицетворявшимся предметам, это в жизни выражение статического взаимоотношения членов общества, в речи соответственно—взаимоотношения членов предложения. Предложение—это выражение словами, сигнализирующими понятия и представления, определенной мысли, отражающей во взаимоотношениях слов данной фразы взаимоотношения предметов, и когда эти взаимоотношения находят свое формальное выражение в специальных для этой цели производящихся изменениях слов,—это то, что в грамматике называется склонением, и оно достигается не только выражением взаимоотношений предметов, но и согласованностью обозначающих эти предметы слов, как согласованы в жизни члены любой производственной организации. Во фразе происходит формальное согласование слов одной категории со словами другой категории. Как видите, даже в склонении основное, казалось бы назначение слова быть символом для выражения того или иного предмета, сигнализовать его, осложняется задачею указывать и взаимоотношения предметов; основное идеологическое назначение отходит на задний план или в глубину сравнительно с тем уж добавочным оформлением которое признано выражать эти добавочные моменты. Формальная сторона еще более осложняется при одновременном выражении отношений предмета, представляющего содержание данного слова, в динамическом (действие) или статическом (состояние) разрезе, и к пространству и ко времени, когда само пространство совершенно отожествляется с той или иной из трех личностей, т. е. в спряжении глаголов.

Однако, в языках более древней формации глаголов вовсе не было как особой категории, действие выражалось комбинацией элементов, именно символов или звуковых сигнализаций 1) суб'екта, источника действия, 2) об'екта, цели или мишени действия и 3) образа того действия, которое имелось в виду произвести, т. е. того или иного имени. С течением времени имя удерживается в роли символа предмета, а в роли символов суб'екта и об'екта, активного и пассивного участников действия, появляются заместители имен, т. е. местоимения.

Между тем, местоимения также сравнительно позднейшее достижение. Следовательно, было время, когда не только не было самостоятельной категории глаголов, но не могло быть и формального выражения спряжения, невозможного без местоимений.

Более того, и склонение могло формально лишь в слабой степени быть выражено, когда не располагали еще местоимением, да и подробности одной из функций склонения, именно согласования, не могло быть, ибо не только не было в прежних системах, да особенно на первоначальных стадиях развития, деления на роды, женский, мужской, да еще средний, но не было вообще особой категории прилагательных, не было этой части речи. Более того эти сложные потребности формального обозначения общественности имен, с одной стороны выражающих предметы, с другой—их взаимоотношения и согласованность, могли возникнуть и возникли лишь в позднейшие эпохи, в эпохи соответственного развития общественных форм. По тому-то до соответственной ступени развития социального строя не было не только морфологии, не было богатых формальных средств звуковой изменяемости самих слов для выражения взаимоотношений без ущерба для их значения, не было вовсе так называемых неизменяемых частиц, служащих к увязке отдельных мыслей, отдельных предложений или отдельных слов. Даже союза 'и' (чего как будто проще) не было, не было до тех пор, пока не возникла семья, пока не получились термины родства в частности термин '*брат*' с тем представлением об единоутробии и сродства пары и более лиц, которое человечество соединяет так конкретно с термином '*брат*' лишь с известных эпох. Ведь союз '*и*' палеонтологически значит 'брат', „собака '*и*' петух". в речи далеко еще далеко не первобытного человечества именно, достигшего уже общественного строя с кровным родством, означало 'собака' '*брат*' 'петух', при чем требуется оговорка, что тогда понятия 'брат и сестра' не имели особых слов для своего выражения, одним словом выражались и 'брат' и 'сестра'.

Если бы в какой либо мере яфетическая теория строилась отвлеченно-философски, от нас могли бы потребовать другую оговорку, более существенную, в связи с тем, что до племенных образований, в частности „родов" и „семей "человеческое об'единение представляло группировки по хозяйственно-производственным признакам, и в условиях общественной жизни коллективов этого порядка функцию увязки могло брать на себя хотя бы то же слово ‚брат' (resp. ‚сестра'), но

в значении еще не кровного родства, но конкретных лексических материалов для такого утверждения нет в нашем распоряжении.

И, понятно, при таком колоссальном расхождении прежде всего внешней типологии системы флективных языков с синтетической или аморфной, когда, однако, принадлежность их к творчеству единого глоттогонического процесса вне спора, нельзя бы было себе представить дело иначе, как предположив, что между ними была посредствующая переходная система языков. В требуемой, как недостающее звено в цепи, подобной посредствующей переходной системе, если бы не обреталось богато развитых форм, наглядно увязываемых с самостоятельными словами, а были бы в ней лишь особые функциональные слова и придаточные частицы (хотя бы представление о таких функциональных словах и придаточных частицах) вместо флективных форм, то и это было бы большим достижением. Существование такой переходной системы, однако, нет надобности предполагать,—она действительно имеется.

Это—система агглутинативных языков.

Агглутинативный тип языка это прилепный: нет органически выявляемых частей окончаний, напр., у имен, существительные ли они или прилагательные, но вместо собственных падежных или иных окончаний их, имен, назначение во фразе определяется присоединением к ним т. н. функциональных слов или придаточных частиц, своего рода прилеп и в том и в другом случае, т. е. явно, слова ли они или придаточные частицы, которые подлежат еще раз разъяснению как слова.

(Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 52-55).

Язык как орудие классовой борьбы, о слове и фразе

Младогегелианские идеологи, вопреки их якобы „миропотрясающим“ фразам,—величайшие консерваторы. Самые молодые из них нашли точное выражение для своей деятельности, заявив, что борются только против „фраз“. Они только забывают, что сами не противопоставляют этим фразам ничего, кроме фраз, и что они отнюдь неборются против действительного, существующего мира, если они борются только с фразами этого мира. Единственные результаты, которых могла добиться эта философская практика, были несколько, да и те односторонних, историко-религиозных раз‘яснений относительно христианства; все же прочие их утверждения, это только дальнейшие прикрасы их претензий на то, что они этими незначительными раз‘яснениями совершили якобы всемирно-исторические открытия.

Ни одному из этих философов и в голову не приходило задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью, о связи их критики с их собственной материальной средой.

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая философия)

Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся. Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы *начали* делать из газеты орудие просвещения масс и обучение их жить и строить свое хозяйство без помещиков и без капиталистов. Но мы только—только начали еще это делать. За три с лишним года сделали немного. А надо сделать еще очень много, пройти еще очень большой путь. Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов, которыми услаждаются неопытные и не понявшие своих задач коммунисты, побольше производственной пропаганды. а всего больше делового, умелого, приспособленного к уровню развития массы учета практического опыта.

(В. И. Ленин. О работе Наркомпроса. Соч. т. 26 стр. 165).

Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов и не может не пробуждаться и который имеет историческое оправдание, и вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственная надежда на освобождение заключается в победе международной револю-

ции и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов людей Востока. (В. И. Ленин. Доклад на 11 всероссийском с'езде коммунистических организаций. Соч. т. 12 стр. 591).

Меньшевистская тактика выступает перед нами как фальсификация марксизма, как прикрытие „марксистскими" словечками антимарксистского содержания. В основе этой тактики лежит метод рассуждения не марксистов, а либералов, переодетых марксистами. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить общий взгляд хотя бы на историю и результаты буржуазной революции в Германии. В „Новой Рейнской газете" Маркс писал о причинах поражения революции 1848 года: „Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха пред народом, т. е. пред рабочими и демократической буржуазией." На этой точке зрения стоял Маркс и стоят все немецкие марксисты в оценке 1848 года и последующий тактики немецкой буржуазии. Контрреволюционность крупной буржуазии не мешала ей „леветь", например в эпоху конституционного конфликта 60-х годов, но поскольку не выступал самостоятельно и решительно пролетариат, постольку из этого „левения" не получалась революция, а получалась только робкая оппозиция, побуждавшая монархию становиться все более буржуазной и не разрушавшая союза буржуазии с юнкерами, т. е. реакционными помещиками.

Так смотрят марксисты. Наоборот, либералы смотрят так, что рабочие своими неумеренными требованиями, своей неразумной революционностью, своими несвоевременными нападками на либерализм помешали успеху дела свободы в Германии, оттолкнув своих возможных союзников в об'ятия реакции.

Совершенно очевидно, что марксистскими словечками наши меньшевики прикрывают фальсификацию марксизма, прикрывают свой переход от марксизма к либерализму.

(В. И. Ленин „Левение" буржуазии и задача пролетариата. Соч. т. 14 стр. 63).

Сущность взглядов ликвидаторов прикрывается в статьях на эту тему необыкновенным количеством непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз о „боевой мобилизации пролетариата", о „широкой и открытой мобилизации масс" о массовых политических организациях самодеятельных рабочих, о „самоуправляющихся коллективах", „самосознательных рабочих" и т. п. и т. д. Юрий Чацкий договорился даже до того, что платформу надо не только „продумать" но и „прочувствовать"... Фразы эти, приводящие наверное, в восторг гимназистов и гимназисток, оглушают читателя и „напускают туману", в котором нетрудно уже провезти контрабанду.

(В. И. Ленин. Из лагеря Столыпинской рабочей партии. Соч. т. 15, стр. 251).

Капитулянство на деле, как *содержание*, „левые фразы" и „революционно" авантюристские замашки как *форма*, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание,—таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей режима диктатуры пролетариата и старающейся либо перескочить „сразу" в социализм, чтобы избавиться от разорения (отсюда *авантюризм* и *истерика* в политике), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда *капитулянство* в политике).

Этой двойственностью троцкизма об'ясняется тот факт, что свои „бешеные" будто бы атаки против правых уклонистов троцкизм обычно увенчивает *блоком* с ними, как с капитулянтами без маски.

(И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Партиздат 1932 г. стр. 559).

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное историко-философское выражение как более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово—более высокую, дальнейшую ступень его).

Ошибка „Бернского" желтого Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее.

(В. И. Ленин. Великий почин. Соч. XXIV 336—337).

...«рабочих, желающих на деле признать «форму», отвергаемую Потресовым, правдисты принимают с распростертыми об'ятиями, а пустые фразы о «единстве» с противниками подполья они считают пустыми фразами людей, кои не знают сами, чего хотят.

На обвинение в «узурпации» правдисты отвечают спокойно: не похож ли на узурпатора и самозванца тот, кто любит декламацию, фразы и боится фактов?...

Плеханов умалчивает о фактах, ибо факты, побивают его фразы.

Возьмем опубликованные в России и допускающие открытую проверку данные за два полные года, 1912 и 1913, правдисты *сплотили* (и доказали это групповыми сборами) 2081 рабочую группу, ликвидаторы—750. Прибавляя 1914 г., с 1 февраля по 6 мая (предварительный подсчет), имеем 5302 против 1382.

У правдистов большинство: около *четырех пятых*. Понятно, что людям, которые *боятся* фактов, остаются фразы и фразы.

Вокруг точных и ясных решений, трижды дополненных и проверенных представителями рабочих (в январе 1912 г., в феврале и летом 1913 г.), правдисты *сплотили* четыре пятых сознательных рабочих России. Эти решения развиты в сотнях статей и проведены в жизнь.

Вот это не фразы, не басни, не анекдоты о зобах и о дикарях (Плеханов все жует старые анекдоты!), *а факты. Вот—единство на деле*—единство *рабочих*, опытом проверивших свою тактику»[1]).

«Либералы хитро запрятывают свои взгляды посредством демократически звучащих фраз» [2])

...Вы доказали царизму, что он слаб в отстаивании «национальных» задач: царизм показывает вам свою силу в *националистической травле* инородца. В вашем национализме, неославизме и т. п. была корыстно-узко-классовая буржуазная сущность и звонкая либеральная фраза. Фраза осталась фразой, а сущность *пошла на пользу* человеконенавистнической политике самодержавия.

Так всегда бывало, так всегда будет с либеральными фразами. Они только *прикрашивают* узкую корысть и грубое насилие буржуазии; они только украшают фальшивыми цветами народные цепи; они только одурманивают народное сознание, *мешая* ему распознать настоящего врага»[3])

«Но посмотрите на этот разгул фразы--вместе с робостью на деле—в области политики внешней...

«Своей» политики у «левых» нет; об'явить отступление сейчас ненужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя в данный момент. Они пускают мыльные пузыри: *Международная революционная* пропаганда делом»!!. что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это ноздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз: авось, дескать, невнимательный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «Международная революционная пропаганда делом»

Швыряться звонкими фразами—свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста»... [4]).

(Написано 5 мая; напечатано в «Правде» № 84—86 с 9 по 11 мая 1918 г.).

---

[1]) Ленин. т. XVII стр. 406. „Плеханов, не знающий чего он хочет".

[2]) Ленин т. XIX ГИЗ 1925 г. стр, 14 „О лисе и курятнике" („Правда" № 416, 18 октября 1912 г. за подписью В. И.)

[3]) Ленин. Собрание сочинений т. XIX, ГИЗ. 1925 г. Москва стр. 12: „Поход на Финляндию". „Социал демократ" № 18 26 апреля—9 мая 1910 г. без подписи автора)

[4]) Н. Ленин. Собрание сочинений. Том XV., стр. 238—239. Москва. ГИЗ 1925 г. „О левом ребячестве и о мелко-буржуазности".

...Диктатура—слово большое, жесткое, кровавое—слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно исторических *эпох.*

Таких слов на ветер бросать нельзя.

Ставить на очередь дня осуществление диктатуры пролетариата и в то же время «бояться обидеть Альбертов Тома, господ Браккова, Самба и других рыцарей подлейшего французского социал-шовинизма, героев предательской газеты „Z'Humanite, La Bataille" и т. п—это, значит осуществлять предательство рабочего класса по легкомыслию, по недостатку сознательности, по бесхарактерности или по другим причинам, но во всяком случае это значит осуществлять предательство рабочего класса.

Расхождение между словом и делом погубило II Интернационал. Третьему от роду нет еще году, а он уже становится модой и приманкой для политиканов, которые идут туда, куда идет масса. III Интернационалу уже начинает грозить расхождение между словом и делом. Во что бы то ни стало всюду и везде надо эту опасность разоблачать, всякое проявление этого зла вырывать с корнем.

Резолюции лонгетистов (как и резолюции последнего с'езда немецких независимцев, этих германских лонгетистов) превращают «диктатуру пролетариата» в такую же икону, какой бывали для вождей, для чиновников профсоюзов, для парламентариев, для должностных лиц кооперативов резолюции II Интернационала: на икону надо помолиться, перед иконой можно перекреститься, иконе надо поклониться, но икона нисколько не меняет практической жизни, практической политики.

Нет, господа, мы недопустим превращения лозунга «диктатура пролетариата» в икону, мы не помиримся с тем, чтобы III Интернационал терпел расхождение между словом и делом.

Если вы за диктатуру пролетариата, тогда не ведите той уклончивой, половинчатой соглашательской политики по отношению к социал-шовинизму, которую вы ведете и которая выражена в первых же строках первой вашей резолюции; война, изволите видеть, «разорвала» (a dechirel) II Интернационал, оторвала его от дела «социалистического воспитания» (edication socialiste...), а „некоторые части этого Интернационала" (certaines peses tractions) „ослабили себя" тем, что разделили власть с буржуазией, и так далее и тому подобное.

Это не язык людей, сознательно и искренно разделяющих диктатуру пролетариата. Это язык либо людей, которые делают шаг вперед, два—назад, либо политиканов. Если вы хотите говорить таким языком, —вернее сказать, пока вы говорите таким языком, пока такова ваша политика, оставайтесь во II Интернационале, ваше место там. Или пусть рабочие, которые своим массовым давлением толкают вас к III Интернационалу, оставят вас во II Интернационале, а сами, без вас, переходят в III Интернационал. Таким рабочим, и Французской социалистической партии, и Независимой с.-д. партии Германии, и

Английской независимой рабочей партии мы скажем, и на том же условии: милости просим.

Если признавать диктатуру пролетариата, если рядом с этим говорить о войне 1914—1918 г. г., то надо говорить иначе: война эта была войной разбойников англо-франко-русского империализма с разбойниками германо-австрийского империализма из-за дележа добычи, колоний, „сфер" финансового влияния. Проповедь «защиты отечества» в такой войне была изменой социализму. Если не раз'яснить этой истины до конца, если не искоренить из голов, из сердец, из политики рабочих этой измены, нельзя спастись от бедствий капитализма, нельзя спастись от новых войн, которые неизбежны, пока держится капитализм.

Вы не хотите, вы не можете говорить таким языком, вести такой пропаганды? Вы хотите «щадить» себя или своих друзей, которые проповедывали „защиту отечества" вчера в Германии при Вильгельме и при Носке, в Англии и во Франции при власти буржуазии? Тогда пощадите III Интернационал!! осчастливьте его своим неприсутствием!

Я говорил до сих пор о первой из двух революций. Вторая не лучше: «торжественное» (Solennelle) осуждение «конфузионизма» и даже „всякого компромисса" (toute compromission)—это пустая революционная фраза, ибо нельзя быть против всякого компромисса), а на ряду с этим уклончивое, половинчатое, не раз'ясняющее понятие «диктатура пролетариата», а затемняющее его повторение общих фраз, нападки на «политику г. Клемансо» (обычный прием буржуазных политиканов во Франции, изображающих смену клик сменой режима), изложение программы, в основах своих реформистской —налоги, „национализация капиталистических монополий" и т. п.

Лонгетисты не поняли и не желают понять (частью не способны понять, что реформизм, прикрытый революционной фразой, был главным злом II Интернационала, главной причиной его позорного краха, поддержки «социалистами» той, войны, в которой перебили десять миллионов человек для решения великого вопроса: англо-русско-французская-ли или германская группа хищников-капиталистов должна грабить весь мир.

Лонгетисты остались на деле прежними реформистами, прикрывающими свой реформизм революционной фразой и только в качестве революционной фразы употребляющими новое словечко „диктатура пролетариата". Таких вождей, как и вождей Независимой социалдемократической партии Германии, как и вождей Независимой рабочей партии Англии, пролетариату не надо. С такими вождями пролетариат осуществить своей диктатуры не может."

Н. Ленин, Собрание сочинений. Том XVII, стр. 17—18 ГИЗ. Москва 1925 год „Заметки публициста" (об опасности расхождения между словом и делом.)

Национальная политика и языковое строительство

Что такое нация?

Нация—это прежде всего общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бритов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нацию из людей различных рас и племен.

Итак, нация—не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и об'единявшиеся в зависимости от успехов или поражения того или иного завоевателя.

Итак, нация—не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия тоже устойчивые общности, однако никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время, как для государства общий язык не обязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для них языка, между тем, целости России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак - общность языка, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках, или все говорящие на одном и том же языке обязательно составляют одну нацию. Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций.

Нет нации, которая говорила бы сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке. Англичане и северо-американцы говорят на одном языке и все таки они не составляют одной нации. Тоже самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь, на новой территории, с течением времени образовала новую, северо-американскую нацию.

Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак—общность территорий, как одна из характерных черт нации.

Но это еще не все. Общность территории сама по себе еще не дает нация. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, спаивающая отдельные части нации в одно целое.

Между Англией и Северной Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т. д.

Взять хотя бы Грузию. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке,—тем не менее, не составляли строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравляя друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное об'единение княжеств, которое иногда удавалось провести какому нибудь удачнику—царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии. Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак—общность экономической жизни, экономическая связанность, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не все.

Кроме всего сказанного, нужно принять еще во внимание особенности духовного облика людей, об'единенных в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом немалую

роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или, как это называют иначе, „национальный характер,“ является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры общей нации, он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего говорить, что „национальный характер“, не есть нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни; но поскольку он существует в каждый данный момент, он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак—*общность психического склада*, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, не достаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим национальным характером и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские, горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории в экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка и „национального характера“. Таковы, например, немцы, латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию

Может показаться, что „национальный характер“ является не одним из признаков, а единственно существенным признаком наций, причем все остальные признаки составляют собственно условия развития нации, а не ее признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с. д. теоретики национального вопроса—Р Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру: нация—это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей. „Это—культурная общность группы современных людей, не связанная с землей“ [1]) (Курсив наш).

---

[1]) См Р. Шпрингер. „Национальные проблемы“ изд. Общ. П. 1900 г. стр. 43.

Итак—союз одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Баэур идет еще дальше

«Что такое нация,—спрашивает он,—есть ли это общность языка, которая об'единяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию [1]).

Так что же такое нация?

«Нация—это относительная общность характера» [2])

Но что такое характер, в данном случае—национальный характер?

Национальный характер—это «сумма признаков, отличающих людей одной национальности от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой» [3]).

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет: «характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой», что...«нация есть не что иное, как общность судьбы», в свою очередь определяемая условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда» [4]).

Таким образом, мы пришли к наиболее «полному», как выражается Бауэр, определению нации. «Нация—это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» [5]).

Итак—общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и «вовсе не имеют они общего языка» [6]); но о какой «общности судьбы» и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках.

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими, американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и вы-

---

[1]) См. О. Бауэр, „Национальный вопрос и социал-демократия", изд. „Серп" 1909 г., стр. 1—2.

[2]) См. там же, стр. 6

[3]) См. там же, стр 2.

[4]) См. там же, стр. 24—25.

[5]) См. там же, стр. 139.

[6]) См. там же, стр. 2.

ветривающиеся психологические остатки влияют на «судьбу» упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего „национального духа“ спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между „отличительной чертой“ наций (национальный характер) и „условиями“ их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем, собственно, отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась еще Новой Англией? Уже, конечно, не национальным характером, ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку кроме английского языка еще английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у них должно быть вырабатывался свой особый характер. И все-таки, несмотря на большую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию. Очевидно, „Новая Англия“ как нация отличалась тогда от Англии как нации не особым национальным характером или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственного отличительного признака наций. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает ее в какую-то самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое, загробное. Ибо, повторяю, что это за например, еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно ни в мирное, ни в военное время? Нет, не для таких бумажных „наций“ составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными, живыми, живущими общей национальной жизнью нациями, заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр сам, повидимому, чувствует слабость своей позиции.

Решительно заявляя в начале своей книги об евреях как о нации[1]), Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что „капиталистическое общество вообще не дает им (евреям) сохраняться как нации“[2]), ассимилируя их с другими нациями.

Причина оказывается в том, что „евреи не имеют замкнутой колонизационной области“[3]), в то же время, как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться по Бауэру как нация.

Короче: причина—в отсутствии общей территории.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих[4]), но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории как один из признаков нации.

Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что „евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию“[5]). Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменил фронт, заявляя так же решительно: „Несомненно, что нация невозможна без общего языка“[6]) (Курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что „язык—это важнейшее орудие человеческого общения, но он вместе с тем нечаянно доказал и то, чего он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория.

(„Марксизм и национальный вопрос“ 1913 г. Сборник статей И. Сталин, Госиздат 1920 г. стр. 3-13 „Нация и язык“).

...коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет, так как пролетариат должен прежде всего завоевать себе политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он пока еще сам национален, хотя, конечно, вовсе не в буржуазном смысле.

Национальная обособленность и противоположности народов уже теперь все более и более исчезают вместе с развитием буржуазии, свободной торговли, мировым рынком, единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще больше ускорит их исчезновение. Об'единенные действия, по крайней мере цивилизованных стран являются одним из первых условий его освобождения

---

1) См. стр. 2 его книги.
2) См. там же, стр. 389.
3) См. там же, стр. 383.
4) См. там же, стр. 396.
5) См. там же, стр. 2.
6) См. там же, стр. 130.

В такой же степени, в какой будет упразднена эксплоатация одного индивидума другим, будет упразднена и эксплоатация одной нации другой.

Вместе с противоположностью классов внутри нации отпадут и враждебные отношения наций друг к другу.

(К.Маркс и Ф. Энгельс Манифест Ком. партии изд. 1932 г., стр. 21, 22).

На ту же историческую почву, не в смысле, однако, только об'яснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации —неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться „не устраиваясь в пределах нации", не будучи „национален" („хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия"). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, „что рабочие не имеют отечества и что „соединение усилий" рабочих по крайней мере цивилизованных стран есть одно из первых „условий" освобождения пролетариата" („Ком. Манифест")

(В. И. Ленин, статья для словаря Граната„Социализм" соч. XVIII. 26).

Для того, чтобы советская власть стала и для национального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда и только постольку советская власть, советская власть до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и национальной, родной для крестьян и средних слоев ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ и сущность национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности.

(И. В. Сталин. Доклад на X с'езде ВКП(б) Стенограф. отч. стр. 362)

Английское и американское правительства, т. е. классы, которые его представляют, культивируют эту ненависть, чтобы *увековечить интернациональные* противоречия, являющиеся тормозом всякого серьезного и честного союза между рабочим классом обеих стран, а вследствие этого и тормозом их общего освобождения. Ирландия—это единственный предлог для английского правительства содержать большую *постоянную армию*, которую, в случае нужды, посылают против

английских рабочих, как это и бывало после того, как в Ирландии армия превратилась в преторианцев.

Наконец, Англия представляет в настоящее время то, что представлял собою в гораздо большей мере древний Рим. *Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи.*

Таким образом, точка зрения международного товарищества рабочих на ирландский вопрос очень ясна. Ее первая задача – *ускорение социальной революции в Англии. Для этой цели надо нанести решающий удар в Ирландии.*

Резолюции Генерального совета об ирландской амнистии должны служить введением к другим резолюциям. В этих последних указывается, что, не говоря уже о международной справедливости, необходимым предварительным условием освобождения английского рабочего класса является превращение современного принудительного об'единения, т. е. рабства Ирландии, в *равный и свободный союз,* если это возможно, *или в полное отделение,* если это неизбежно.

(Маркс. Письма к Л. Кугельману. Письмо от 28 марта 1870 г.)

Картина борьбы с уклонами в партии будет не полной, если мы не коснемся имеющихся в партии уклонов в области *национального вопроса.* Я имею в виду, во-первых, уклон к великорусскому шовинизму и, во-вторых, уклон к местному национализму. Эти уклоны не столь заметны и напористы, как „левый“ или правый уклоны. Их можно было бы назвать ползучими уклонами. Но это еще не значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное,—растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии. Поэтому следовало бы раскрыть и выставить на свет божий физиономию этих уклонов.

В чем состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях? Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что, так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов. Они ссылаются при этом на Ленина, неправильно цитируя его, а иногда прямо искажая и клевеща на Ленина. Ленин сказал, что в социализме сольются интересы национальностей

в одно целое,—не следует ли из этого, что пора покончить с национальными республиками и областями в интересах... интернационализма? Ленин сказал в 1913 году в полемике с бундовцами, что лозунг национальной культуры есть буржуазный лозунг,—не следует ли из этого, что пора покончить с национальной культурой народов СССР в интересах... интернационализма? Ленин сказал, что национальный гнет и национальные перегородки уничтожаются при социализме,—не следует ли из этого, что пора покончить с политикой учета национальных особенностей народов СССР и перейти на политику ассимиляции в интересах... интернационализма? И так далее и тому подобное.

Не может быть сомнений, что этот уклон в национальном вопросе, прикрываемый к тому же маской интернационализма и именем Ленина, является самым утонченным и потому самым опасным видом великорусского национализма.

Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах *одного* государства, до *победы* социализма *во всемирном масштабе.* Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что „национальные и государственные различия между народами и странами будут держаться еще *очень* и *очень* долго, даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе. (Т. XVII, стр. 178). Как можно ссылаться на Ленина, забывая об этом основном его указании?

Правда, один из бывших марксистов, а ныне ренегат и реформист г. Каутский утверждает нечто прямо противоположное тому, чему учит нас Ленин. Он утверждает, вопреки Ленину, что победа пролетарской революции в австро-германском об‘единенном государстве в средине прошлого столетия привела бы к образованию *одного общего* немецкого языка и к *онемечению* чехов, так как „одна лишь сила освободившегося от пут обмана, одна лишь сила современной культуры, которую несли с собой немцы, без всякой насильственной германизации *превратила бы в немцев отсталых чешских мелких буржуа, крестьян и пролетариев, которым ничего не могла дать их захудалая национальность*“. (См. предисловие к немецкому изданию „Революция и контрреволюция“). Понятно, что такая „концепция“ вполне гармонирует с социал-шовинизмом Каутского. С этими взглядами Каутского и боролся я в 1925 г. в своем выступлении в Университете народов Востока. Но неужели для нас, для марксистов, желающих остаться до конца интернационалистами, может иметь какое-либо положительное значение эта антимарксистская болтовня зарвавшегося немецкого социал-шовиниста? Кто прав,—Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем об‘яснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились, как самостоятельные нации? Чем об‘яснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайд-

жанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации? Не ясно ли, что наши уважаемые уклонисты, в погоне за показным интернационализмом, попали в лапы Каутскианского социал-шовинизма? Не ясно ли, что, ратуя за один общий язык в пределах *одного* государства, в пределах СССР, они добиваются по сути дела восстановления *привилегий* господствовавшего ранее языка, а именно—*великорусского* языка? Где же тут интернационализм?

Во-вторых, Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов национальностей в одно целое равносильно уничтожению национальных различий. Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР. Но значит ли это, что мы уничтожили тем самым национальные различия, национальные языки, культуру, быт и т. д.? Ясно, что не значит. Но если национальные различия, язык, культура, быт и т. д. остаются, не ясно ли, что требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным, направленным против интересов диктатуры пролетариата? Понимают ли наши уклонисты, что уничтожить теперь нацреспублики и области—это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на *родном* языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на *родном* языке, лишить их возможности приобщиться к социалистическому строительству? Не ясно ли, что в погоне за показным интернационализмом наши уклонисты попали в лапы реакционных великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для всех народов СССР, и для великоруссов, и для не великоруссов?

В-третьих, Ленин никогда не говорил, что лозунг развития национальной культуры в условиях *диктатуры пролетариата* является рациональным лозунгом. Наоборот, Ленин всегда стоял за то, чтобы *помочь* народам СССР развить свою национальную культуру. Под руководством Ленина, а не кого-либо другого, была составлена и принята на X с'езде партии резолюция по национальному вопросу, где прямо говорится о том, что:

„Задача партии состоит в том, чтобы *помочь* трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, *помочь* им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составлен-

ные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке".

Не ясно ли, что Ленин стоял целиком и полностью за лозунг развития национальной культуры, в *условиях диктатуры пролетариата*?

Разве не ясно, что отрицание лозунга национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата означает отрицание необходимости культурного под'ема невеликорусских народов СССР, отрицание необходимости общеобязательного образования для этих народов, отдачу этих народов на духовную кабалу реакционным националистам.

Ленин, действительно, квалифицировал лозунг национальной культуры *при господстве буржуазии*, как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? *Буржуазная* по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? *Социалистическая* по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному *содержанию* национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить, что Ленин рассматривал социалистическую культуру, как культуру *безнациональную*, не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой клеветы, решительно отмежевавшись от такой бессмыслицы. Неужели наши уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?

Что же осталось после всего сказанного от аргументов наших уклонистов?

Ничего, кроме жонглирования флагом интернационализма и клеветы на Ленина.

Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться *с новой силой* с введением и ускорением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур мож-

но будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики *помощи и поддержки* развития национальных культур народов СССР.

Может показаться странным, что мы, сторонники *слияния* в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками *расцвета* национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка „противоречива". Но разве не такая же „противоречивость" имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти,—вот марксистская формула. Это „противоречиво". Да, „противоречиво". Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику.

Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: „раз'единение для об'единения". Вы только подумайте—раз'единение для об'единения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта „противоречивая" формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса.

То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

Кто не понял этого своеобразия и „противоречивости" нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики.

Так обстоит дело с уклоном к великорусскому шовинизму.

Не трудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса.

В чем состоит существо уклона к местному национализму? Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защищаться от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам.

Таково существо уклона к местному национализму.

Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР.

Из политотчета т. Сталина на XVI с'езде партии. Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI с'езде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете народов востока в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть раз'яснена. Вы—говорит записка—возражали тогда против теории (Каутского) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (*в одной стране*), а теперь, в своем докладе на XVI с'езде заявляете что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков (*В период победы социализма в мировом масштабе*),—нет ли тут неясности?

Я думаю, что тут нет ни неясности, ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в об'единенном австро-германском государстве должна была повести к слиянию наций в одну общую *немецкую* нацию с одним общим *немецким* языком и к *онемечению* чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом, XVI с'езде. Возражаю, так как теория слия-

ния всех наций, скажем, в СССР в одну общую *великорусскую* нацию с одним общим *великорусским* языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут изчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго—даже после победы пролетарской революции *в мировом масштабе*, что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то, я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в *мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своем докладе на XVI с'езде.

Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь раз'яснить?

Видимо, авторы записки не вполне уяснили себе по крайней мере две вещи.

Они не уяснили себе прежде всего тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, при чем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье „О „левом“ ребячестве“ впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и зажигалки, отсутствие колхозов и совхозов, как массового явления, рост „новой“ буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что имеем мы теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую „новую“ буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходный период и здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классо-

вых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках *одного* государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма *в одной* стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская.

Авторы записки не уяснили, *во-вторых*, того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос *внутригосударственный*, не вопрос победы социализма *в одной* стране, а вопрос *международный*, вопрос победы социализма *в международном* масштабе Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма *в одной стране* с победой социализма *в международном* масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурят-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?

Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу, в частности.

(Сталин. Заключительное слово на XVI партс'езде).

Или взять, *национальный вопрос.*

И здесь также, в области национального вопроса, как и в области других вопросов у одной части партии имеется путаница во взглядах, создающая известную опасность. Я говорил о живучести пережитков капитализма. Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках.

Что значит уклон к национализму,—все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки своей „национальной“ буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм. Источник у обоих уклонов, как видите, общий. Это—отход от ленинского интернационализма. Если хотите держать под огнем оба уклона, надо бить, прежде всего, по этому источнику, по тем, которые отходят от интернационализма,—все равно, идет ли речь об уклоне к местному национализму, или об уклоне к великорусскому национализму *(Бурные аплодисменты)*.

Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность - уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это—формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен и условий готовый рецепт о главной и неглавной опасности. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности *(Продолжительные аплодисменты)*.

На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью. Вопрос о главной опасности в области национального вопроса решается не пустопорожними формальными спорами, а марксистским анализом положения дел в данный момент и изучение тех ошибок, которые допущены в этой области.

(Из доклада т. Сталина на XVII партийном с'езде).

... Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, в виду чего, поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность—выдумка немцев. Между тем, ясно, что украинская национальность существует и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя итти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий

характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают не белоруссы.

(Десятый с'езд РКП Стенографический очерк. Заключительное слово т. Сталина по нац. вопросу ГИЗ 1921 г. стр. 113)

Отсюда вытекают очередные задачи, стоящие перед активными работниками советского Востока...

5) Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного так профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей.

Выполнить эти задачи—это именно и значит облегчить дело социалистического строительства в советских республиках.

Говорят об образцовых республиках советского Востока. Но что такое образцовая республика? Образцовая республика есть такая республика, которая выполняет все эти задачи честно и добросовестно, создавая тем самым тягу рабочих и крестьян соседних колониальных и зависимых стран к освободительному движению.

Я говорил выше о приближении советов к трудящимся массам национальностей,—о национализации советов. Но что это значит и как оно проявляется на практике? Я думаю, что образцом такого приближения к массам можно было бы считать законченное недавно национальное размежевание в Туркестане. Буржуазная пресса усматривает в этом размежевании „большевистскую хитрость". Между тем ясно, что тут проявилась не „хитрость" а глубочайшее стремление народных масс Туркменистана и Узбекистана иметь свои собственные органы власти, близкие и понятные им. В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплоататорских махинаций „власть имущих". Теперь настал момент, когда появилась возможность воссоединить эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, воссоединение разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным об'единением трудящихся масс различных национальностей. Для того, чтобы воссоединить Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы воссоединить Туркменистан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев раз'яснительной пропаганды.

Вот как надо сближать органы управления, в данном случае советы, с широкими массами трудящихся различных национальностей.

Вот где доказательство того, что большевистская национальная политика есть единственно верная политика.

Я говорил, дальше, о поднятии национальной культуры в советских республиках Востока. Но что такое национальная культура? Как совместить ее с пролетарской культурой? Разве не говорил Ленин еще до войны, что культур у нас две,—буржуазная и социалистическая, что лозунг национальной культуры есть реакционный лозунг буржуазии, старающейся отравить сознание трудящихся ядом национализма? Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непроходимого противоречия? Конечно, нет! Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова—та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существа национального вопроса с точки зрения ленинизма.

Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт во всяком случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд национальностей, ранее неизвестных, или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 национальностей и этнографических групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие. Ныне говорят об Индии, как о едином целом. Но едва ли можно сомневаться в том, что, в случае революционной встряски в Индии, на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей.

Недавно я получил письмо бурятских товарищей с просьбой раз‘яснить серьезные и трудные вопросы взаимоотношений общечеловеческой и национальной культуры. Вот оно:

«Убедительно просим дать раз‘яснение на следующие, очень для нас серьезные и трудные вопросы. Конечная цель коммунистической партии—единая общечеловеческая культура. Как мыслится переход через национальные культуры, развивающиеся в пределах отдельных наших автономных республик к единой общечеловеческой культуре? Как должна происходить ассимиляция особенностей отдельных национальных культур (язык и т. д.)?» Я думаю, что сказанное выше могло бы послужить ответом на тревожный вопрос бурятских товарищей.

Бурятские товарищи ставят вопрос об ассимиляции отдельных национальностей в ходе построения общечеловеческой пролетарской культуры. Несомненно, что некоторые национальности могут подвергнуться и, пожалуй, наверняка подвергнутся процессу ассимиляции. Такие процессы бывали и раньше. Но дело в том, что процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает противоположный процесс усиления и развития целого ряда мощных национальностей, ибо частичный процесс ассимиляции является результатом общего процесса развития национальностей. Именно по этому возможная ассимиляция некоторых отдельных национальностей не ослабляет, а подтверждает то совершенно правильное положение, что пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру.

Таковы в общем очередные задачи, стоящие перед активными работниками советских республик Востока.

Таковы характер и содержание этих задач.

(И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма“ 1932 г., стр. 135—138, задачи КУТВ в отношении советских республик Востока).

„Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытки кавказских с.-д. Бунда и ликвидаторов отменить программу партии и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу Р. С. Д. Р. П., совещание—в интересах правильной постановки с- д. агитации по национальному вопросу—выдвигает следующие положения:

1) Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплоатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом,

республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2) Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой „культурно-национальной“ автономии или „создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития“.

3) Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях—политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом „национальной культуры“. Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4) Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контрреволюции.

5) Вопрос о праве наций на самоопределение (т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического спо-

соба решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду что, помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций.

(Резолюция летнего, 1913 г., совещания Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками, предложенная т. Лениным.

Н. Ленин. Собрание сочинений. Том XIX, стр. 34—36. ГИЗ. Москва 1925).

„Россия—пестрая в национальном отношении страна. Правительственная политика, политика помещиков, поддерживаемых буржуазией, проникнута вся насквозь черносотенным национализмом.

Политика эта направлена своим острием против большинства народов России, составляющих большинство ее населения. А рядом с этим поднимает голову буржуазный национализм других наций (польской, еврейской, украинской, грузинской и т. д.), стараясь отвлечь рабочий класс национальной борьбой или борьбой за национальную культуру от его великих мировых задач.

Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих.

Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовые страны, Швейцария, Бельгия, Норвегия и др. дают нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе.

Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичами, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение или неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами.

Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций.

Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!—вот принципы рабочей демократии.

Капиталисты и помещики во что бы то ни стало желают раз'единить рабочих разных наций, а сами сильные мира сего великолепно

уживаются вместе, как акционеры „доходных“ миллионных „дел“ (вроде Ленских приисков)—и православные и евреи, и русские, и немцы, и поляки, и украинцы,—все у кого есть *капитал*, дружно эксплоатируют рабочих всех наций.

Сознательные рабочие стоят за полное единство рабочих всех наций во всех и всяких просветительных, профессиональных, политических и т. д. рабочих организациях. Пусть господа кадеты позорят себя отрицанием или умалением равноправия украинцев. Пусть буржуазия всех наций тешится лживыми фразами о национальной культуре, о национальных задачах и т. д. и т. п.

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе, в общих организациях, полную свободу и полное равноправие—залог истинной культуры.

Рабочие создают во всем мире свою интернациональную культуру, которую давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

(Н. Ленин. Собрание сочинений. Рабочий класс и рабочий вопрос. Том XIX, стр. 26—27. Москва. ГИЗ. 1925 г.)

Что национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России, это очевидно. И воинствующий национализм реакции и переход контрреволюционного, буржуазного либерализма к национализму (особенно великорусскому, а затем также польскому, еврейскому, украинскому и пр.) и, наконец, усиление националистических шатаний среди разных «национальных» (т. е. невеликорусских) с.-д., дошедшее до нарушения партийной программы,—все это безусловно обязывает нас уделить больше, чем прежде, внимания национальному вопросу.

1. Либералы и демократы в вопросе о языках.

Газеты отмечали неоднократно отчет кавказского наместника, отличающийся не черносотенством, а робким «либерализмом». Между прочим, наместник высказывается против искусственной руссификации, т. е. обрусения нерусских народностей. На Кавказе представители нерусских народностей сами стараются научить детей по русски—напр., в армянских церковных школах, в которых преподавание русского языка необязательно.

Указывая на это, одна из самых распространенных в России либеральных газет—«Русское Слово» (№ 198) делает тот справедливый

вывод, что враждебное отношение в России к русскому языку «происходит исключительно» вследствие „искусственного“ (надо было сказать: насильственного) насаждения русского языка.

„О судьбе русского языка беспокоиться нечего. Он сам завоюет себе признание во всей России“,—пишет газета. И это справедливо, ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений.

Но либеральная газета торопится побить себя и доказать свою либеральную непоследовательность.

> Вряд ли—пишет она,—кто нибудь даже из противников обрусения станет возражать, что в таком огромном государстве как Россия, должен быть один общегосударственный язык и что таким языком...может быть только русский.

Логика навыворот! Маленькая Швейцария не теряет, а выигрывает от того, что в ней нет одного общегосударственного языка, а их целых три: немецкий, французский и итальянский. В Швейцарии 70 проц. населения—немцы (в России 43 проц, великороссов, 22 проц), французы (в России 17 проц. украинцев), 7 проц итальянцы (в России 6 проц. поляков и 4½ проц. белоруссов). Если итальянцы в Швейцарии часто говорят по французски в общем парламенте, то они делают это не из-под палки какого нибудь дикого полицейского закона (такового в Швейцарии нет), а просто по тому, что цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык понятный для большинства. Французский язык не внушает ненависти итальянцам, ибо это язык свободной, цивилизованной нации, язык не навязываемый отвратительными полицейскими мерами.

Почему же „огромная“ Россия, гораздо более пестрая, страшно отсталая должна тормозить свое развитие сохранением какой бы то ни было привилегии для одного из языков? Не наоборот-ли, господа либералы? Не должна ли Россия, если она хочет догнать Европу, покончить со всяческими привилегиями как можно скорее, как можно полнее, как можно решительнее? Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться „ужасной“ мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой определят тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма.

Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам подходят как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским. „Мы против привилегий"—кричит либерал, а за спиной выторговывает себе у крепостников то одну, то другую привилегию.

Таков *всякий* либерально-буржуазный национализм—не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с г. г. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия всех наций и в Австрии и в России под лозунгом „национальной культуры" проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.

Лозунг рабочей демократии не „национальная культура", а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими „позитивными" национальными программами. Сознательный рабочий ответит ей: есть только одно решение национального вопроса (поскольку вообще возможно его решение в мире капитализма, мире наживы, грызни и эксплоатации), и это решение—последовательный демократизм.

Доказательства: Швейцария в Западной Европе—страна старой культуры, и Финляндия в Восточной Европе—страна молодой культуры.

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т. е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие (земское, городское, общинное и т. д. и т. п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, об'является незаконным и недействительным—и любой гражданин государства в праве требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д. рабочая демократия противопоставляет требование безусловного единства и полного слияния рабочих *всех* национальностей во *всех* рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала,—который уже стал и все более становится интернациональным,—отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплоатации.

2. „Национальная культура“.

Как видит читатель, статья в „С. Правде“ на одном из примеров, именно на вопросе об общегосударственном языке, поясняет непоследовательность и оппортунизм либеральной буржуазии, которая в национальном вопросе протягивает руку крепостникам и полицейским. Всякий понимает, что, кроме вопроса об общегосударственном языке, либеральная буржуазия поступает столь же предательски, лицемерно и тупоумно (даже с точки зрения интересов либерализма) по целому ряду других однородных вопросов.

Вывод отсюда? Вывод тот, что *всякий* либерально-буржуазный национализм несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы. Это тем более опаснее, что прикрывается буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом „национальной культуры“ Во имя национальной культуры—великорусской, польской, еврейской, украинской и др.—обделывают реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа всех наций.

Таков факт современной национальной жизни, если смотреть на нее по-марксистски, т. е. с точки зрения классовой борьбы, если сличать лозунги с интересами и политикой классов, а не с пустыми „общими принципами“, декламациями и фразами.

Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения.

Тут бундовец г. Либман срывается в бой и сокрушает меня следующей убийственной тирадой:

> „Всякий, кто хоть немного знаком с национальным вопросом, знает, что интернациональная культура не есть иннациональная [1]) культура (культура без национальной формы); иннациональная культура, которая не должна быть ни русской, ни еврейской, ни польской, а только чистой культурой, есть бессмыслица; интернациональные идеи, именно, могут стать близкими рабочему классу только тогда, когда приноровлены к языку, на котором рабочий говорит, и к конкретным национальным условиям, в которых он живет; рабочий не должен быть равнодушен к положению и развитию своей национальной культуры, потому что через нее, и только через нее, получает он возможность принять участие в „интернациональной культуре демократизма и всемирного рабочего движения“. Это давно известно, но обо всем этом В. И. и знать не хочет...-“

Вдумайтесь в это типичное бундовское рассуждение; долженствующее, изволите видеть, разрушить выставленный мною марксистский

---

1) Интер—между; ин—не; интернациональный—междунациональный, международный; иннациональный—ненациональный, ненародный, безнациональный, безнародный.

тезис. С чрезвычайно самоуверенным видом, как человек „знакомый с национальным вопросом“, в качестве „давно известных“ истин преподносит нам г. бундист обычные буржуазные взгляды.

Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист. Никто этого не говорил. Никто „чистой“ культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал, так что ваш пустой набор слов есть лишь попытка отвлечь внимание читателя и заслонить суть дела звоном слов.

В *каждой* национальной культуре есть хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная),—притом не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры. Поэтому „национальная культура“ вообще есть культура помещиков, попов. буржуазии. Эту основную истину, азбучную для марксиста, бундист оставил в тени, „заговорил“ своим набором слов, т. е. на деле *против* вскрытия и раз'яснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. На деле бундист выступил, как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры во внеклассовую, национальную культуру.

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации. Ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с „родной“ буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи „родному» крестьянству и мещанству,—об этом нечего говорить, этими бесспорными истинами бундист загораживает спорное, т. е. то, в чем действительно заключается вопрос.

Вопрос в том, допустимо ли для марксистов ставить прямо или косвенно, лозунг национальной культуры, или обязательно против него проповедывать на всех языках, „приноравляясь“ ко всем местным и национальным особенностям,—лозунг интернационализма рабочих.

Значение лозунга „национальной культуры“ определяется не обещанием или добрым намерением данного интеллигентика „толковать“ этот лозунг „в смысле проведения через него интернациональной культуры“. Смотреть так было бы ребяческим суб'ективизмом. Значение лозунга национальной культуры определяется об'ективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира. Национальная культура буржуазии есть факт (при чем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). Воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, раз'единяющий рабочих. чтобы вести их на поводу буржуазии,— вот основной факт современности.

Кто хочет служить пролетариату, тот должен об'единять рабочих всех наций, борясь неуклонно с буржуазным национализмом и „своим“ и чужим. Кто защищает лозунг национальной культуры,—тому место среди националистических мещан, а не среди марксистов.

Возьмите конкретный пример. Может ли великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет. Такого человека надо поместить среди националистов, а не марксистов. Наше дело—бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной, национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории демократического и рабочего движения. Бороться со своими великорусскими помещиками и буржуа против его „культуры“, во имя интернационализма, бороться „приноравляясь“ к особенностям Пуришкевичей и Струве,—вот твоя задача, а не проповедывать, не допускать лозунга национальной культуры.

То же самое относится к наиболее угнетенной и затравленной нации, еврейской. Еврейская национальная культура—лозунг раввинов и буржуа - лозунг наших врагов. Но есть другие элементы в еврейской культуре и во всей истории еврейства. Из 10½ миллионов евреев на всем свете немного более половины живет в Галиции, в России, отсталых, полудиких странах, держащих евреев *насилием* в положении касты. Другая половина живет в цивилизованном мире, там нет кастовой обособленности евреев. Там сказались ясно великие всемирнопрогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи (процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще).

Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской „национальной культуры“, тот (каковы бы ни были его благие намерения)—враг пролетариата, сторонник старого кастового в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи—марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и др. рабочими, внося свою лепту (и по-русски, и по-еврейски) в создании интернациональной культуры рабочего движения, те евреи—вопреки сепаратизму Бунда—продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга „национальной культуры“.

Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм—вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе. Отстаивая лозунг национальной культуры, строя на нем целый план и практическую программу так называемую „культурно-национальной автономии“, бундовцы на деле выступают проводниками буржуазного национализма в рабочую среду.

(В. Ленин. Собрание сочинений том XIX. Гиз 1925 г. Критические заметки по национальному вопросу).

Октябрьская революция с первых же дней разрешила национальный вопрос, перевернув его, стоявший головой вниз, прочно поставила его на устойчивом основании предоставлением каждой нации хозяйственно-политического самоопределения, мощного развития национальных культур. Всякая культура, всякий территориальный район, при наличии об'ективных данных, выделяющих население с особенностями актуального производственно-социального порядка, получают возможность развития в рамках национальных признаков, языка и быта. В связи с этим при районировании каждой национальной единицы размежевание в советской стране имеет совершенно иные цели: производится оно не столько для отделения одного народа от другого сколько для более тесного сплочения, для ускорения процесса дорастания нации до той ступени культурного под'ема, с которой легче будет ее приобщить к высокой культуре. Нам известно, например, что выделение из Узбекистана самостоятельной союзной республики-Таджикистанской-не останавливается только на образовании новой полноправной советской республики. Принимается во внимание и учитывается наличие в ней мелких национальных единиц, в момент возможных расхождений взаимные споры которых будут разрешаться общими усилиями. Нет ни одной республики как в нашем союзе, так и во всем мире без своих национальных меньшинств.

Всем сказанным подтверждается факт совершенно новой постановки национального вопроса в советской стране, коренным образом отличающейся от его восприятия и капиталистических странах. Этим обстоятельством меняется само понятие „национальность", упраздняется его стабильность. Национальностью становится каждое племенное образование даже при отсутствии культуры исторической давности, если накопившаяся в нем энергетика при актуальной благоприятной обстановке стимулирует его к национальному самовыявлению и творчеству. В то же самое время каждая национальность от взаимодействия нацменовских сил меняет свою общественную функцию, свою всегда своеобразно захватническую природу.При таком восприятии национальности всякая нация, урезывающая возможности развития входящей в ее состав даже собственной разновидности, наносит вред не только общему делу, но и самой себе, ибо тем самым пресекает широкий путь своего собственного экономического роста и нового культурного под'ема. Но от этого все предоставленные советским государством широкие права самоопределения отнюдь не становятся так легко реальностью, ибо,с одной стороны, не изжиты подлинно захватнические представления с пережитками бывшего религиозного мировоззрения с его исключительностью и замкнутостью обычно перерождающимися в националистическое умонастроение—в этот опаснейший тормоз прогресса, и с другой стороны, отсутствие научной разработки таких признаков, определителей национальности, как язык, ставит дело ее культурного роста в высшей степени затрудненным.

(Н. Я. Марр. К задачам науки на советском Востоке стр. 21.)

Момент ли сейчас для таких отвлеченных тем, как „язык и мышление“? Эпоха грандиозных предприятий, под‘ем колхозного строительства с мировой по последствиям значимостью и с разгаром крайнего обострения классовой борьбы, эпоха не созерцательной лишь или назидательной философии, а философии актов и действенных мероприятий раскрепощения народов СССР и аннулирования великодержавностей всякого калибра вопреки всем усилиям и хитросплетениям до издыхания борющихся вредительских разновидностей капиталистического идеализма и национализма, когда кулак и все идеологические его союзники где тихой сапой, а где решительным наступлением на всех фронтах, на идеологическом так-же, выдвигают против нас нередко, казалось бы, из наших друзей сколоченные фаланги. Борьба так обостряется, что даже самый „мирный“ (pacifique), по свидетельству одного компетентного зарубежного судьи, научный работник, советский ученый, не может не высказать со всей глубиной своего безоговорочного убеждения во всех у нас неделимых разрезах нашего советского мышления—научно-теоретическом, общественном и политическом,—что быть в такой момент ученому нейтральным это—самоубийство, преступление...

Однако кто бы взял на себя смелость утверждать, что язык у нас, в Союзе, отвлеченная материя? Что мышление, без чего мы уже не учитываем языка, у нас в эти именно яркие, с беспощадным к себе напряжением сил переживаемые дни социалистического строительства, не представляет исключительной ценности? Ведь наши мысли, наше четкое диалектико - материалистически - заостренное мышление и делает то, что язык наш приобретает ничем не заменимую значимость одновременно на всех полях брани развертывающейся в наших глазах жестокой классовой борьбы. Язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени, потому и является „мощным“ рычагом культурного под‘ема, что он—незаменимое орудие классовой борьбы...

Но наши дни социалистического строительства с направленностью на сознательный коммунизм, с направленностью на единство мирового хозяйства бесклассового общества, с направленностью на перемещение начал нашего мировоззрения с единичных фетишей и мнимодейственных неизменных качеств и свойств на взаимодействие частей целого, в этой целостности находящих свое определение и изменчивых взаимоотношениях свою общественную стоимость—значение, если язык является приводным ремнем в области надстроечной категории общества, стройка которого имеет охватить и организовать рассыпанные по всему Союзу, по всему миру производительные трудовые силы, а мышление дает то или иное осмысление, т. е. направление и сознательную технику этому приводному ремню—языку, то как у станка на фабрике неразумеющему нельзя работать без опасности стать жертвой махового колеса, как трактором нельзя пользоваться без соответственной грамотности, так в наше время нельзя целесообразно пользоваться без явного риска вредить своему делу, и помогать враждебному делу

таким мощным обоюдоострым орудием классовой борьбы, как язык, не овладев, его действительной техникой, а не формальной видимостью. не овладев следовательно, теоретически им, его функциональной сущностью в целом и в частях.

Кто чурается успехов нового учения об языке в завоеванном им историческом анализе мышления, кто упорствует в не охоте видеть степень проницания этого анализа в зачаточное состояние техники мышления, тот лишает себя мощного орудия и в работе на конкретном материале, умышленно обезоруживая себя и на таком отрезке культурного фронта как антирелигиозная борьба. При таком орудии не приходится вышибать противника из одной позиции с тем, чтобы дать ему возможность занять другую или третью; вооруженный им как бы химически растворяет все какое ни есть обоснование одинаково всякой религии, всех религиозных верований. Вопрос в этой борьбе не в фетишированных терминах: „бог“, „святой“ и т. п., а в их производственно и общественно возникающих функциях и особенно во взаимоотношениях этих функций. Не то опасно для нашей общественности, что кто либо произнесет „спасибо“ (из „спаси бог“) или хотя бы „слава богу“, а то, какое место он отводит фетишированному и ипостасизированному термину в своем действенном мировоззрении. Ни одному антирелигиознику и воинствующему в голову не придет взять под прицел русского человека, когда страдая от малярийного пароксизма, он говорит: „меня лихорадит“, или француза, при жаре говорящего: „il fait chaud“ „меня жарит“ вместо мне жарко и при дожде „il pleut“ он льет с неба, как у немцев „es regnet“ вместо дождь идет и т. п.; хотя все эти так называемые безличные глаголы: русский „меня лихорадит“, французский „il fait schaud“ „жарит“ французский il pleut, немецкий „es regnet“ он льет с неба, смущают теперь, как исключительные глаголы, ибо сообщая о состоянии здоровья или погоды, они оформлены, как действительные, вопреки ожиданию нашего мышления, и это вынуждает составителей схоластических грамматик называть их „безличными“, тогда как на деле лицо это, третье, имеется, но это лицо суб‘ект, „он“, „она“ или „оно“. некогда производственный тотем: у русского глагола „меня лихорадит“ это—дух немощи, у француза в глаголах il fait chaud он жарит-это бог солнце le soleil и у французов же в „il pleut“, как у немцев в „es regnet.“ он (бог—небо) и льет воду это бог небо, это—наследие действительно первобытного бытия человечества, притом не от одной, а от различных эпох, когда человечество было убеждено мы теперь скажем, еще верило, что болезни насылают и погоду делают особые духи, божества и другие фетиши.. Ведь новое учение об языке так раз‘ясняет и появление не только бога, но, что важнее, все увязываемые с ним по бытующим пережиточным мировоззрениям отношения реальной нашей жизни.

И в национальных взаимоотношениях народов Союза (а это требует самого глубокого и всестороннего учета) дело не в пренебрежительных, осмеивающих или позорящих ту или другую народность быто-

вых кличках. Длительность гнета и разгула великодержавностей (не одной русской великодержавности) достигала (а за рубежом и посейчас достигает) такого унижения гонимых или морально снижаемых в их самосознании национальных ооразозваний, что ряд народностей отрекается доселе от своих родных наименований, которые сами по себе ничего абсолютно обидного не представляют, наоборот, это если не названия известнейших своими культурными вкладами в историю человечества древнейших народов, то всегда представляют прозвища от эпох с мировоззрением или космическим—„дети неба", „дети солнца" и т. п. или реже тотемическим из мира растительного или животного и тогда, когда они имеют явное, казалось бы, основание быть истолкованными в нашем обиходе в дурном смысле, напр. „дети собаки".

Но нет ни одного народа, предки которого не прошли бы стадию социального развития с тем же осмыслением культовой собакою носимого сейчас им громкого национального названия. В этом порядке выяснилось, что за время от мегалитических древнекаменных эпох до сложения европейского средиземно-морского градостроительства с центрами у греков в Афинах и у латинян в Риме, одно и то же слово пережило в сменах своих значений от каменных рыб—великанов, открытых на Гехамских горах в Армении, до Минервы—градостроительницы и до Венеры любви и красоты. И то же слово означало не только две противоположности—девственницу, „мать" („весталку") и торговку своими чарами,—но собаку, прежде всего различные виды культовой собаки, начиная от космического Цербера, сторожившего перемещенный с запада вниз в подземный мир—Ад, до двойника солнечного героя—Амирана на Кавказе, впоследствии при христианстве обращенного в святого Георгия. Впрочем, и реальной собаке не один знаменитый французский рисовальщик и литограф charlet (1798-1822) имеет основание принести дань уважения, оказанную ей в его остром слове: „лучшее в человеке это собака" (ce qui il ya de mieux dans l' homme c'est le chien). И дело не в названиях, как бы они ни казались сейчас обидными, и не в отказе от них, дело, например, не в том, что украинца кто либо назовет малороссом. Достижение Октябрьской революции не в том, что „малороссов" уже называют украинцами, а в том, что взаимоотношения понятий в мировоззрении населения, постепенно, захватываемого социалистическим строительством, так перестраиваются, что у советского гражданина для идеологического оправдания оскорбительного смысла не может быть никакой опоры, кроме как в пережиточных воззрениях, а их повторяю, разъясняет как „истину" вчерашнего дня, т. е. как небылицу для наших дней, новое учение об языке.

Между тем язык, источник познавания, совершенно не использован доселе в важнейшей и теоретически, и практически области истории бытия, именно в области созидания людским коллективом себя, в области, следовательно, самосозидания.

(Н. Я. Марр. Язык и мышление, стр. 5-9)

В самом деле, какое отношение имеют к современности эти глубокие раскопки в ее противоположности, состояние языка на первых

стадиях возникновения человечества? Но, во-первых, с возникновением языка дело обстоит так, что никакого вопроса о „первоначальном состоянии языка“ на первых стадиях не может быть, ибо тогда не было еще вовсе звукового языка. Про звуковую речь можем смело утверждать, что вначале ее не было: не было ни духа, ни материи звуковой речи. [1]) Вначале был,казалось бы, лишь смененный звуковой речью ручной язык, разумеется, с мышлением. Было особое ручное мышление. Но и ручной язык не сразу возник. Он слагался длительно, у него также есть период становления. Таким образом, исследователь процесса самоочеловечения первых еще животных, с бесспорным обратным воздействием и языка на его темпы, еще раз разгружается от задачи искать один начальный пункт не для скачка из животного мира в человеческий, революционный сдвиг, а для раз‘яснения всего длительного процесса. Однако ручная речь оставила яркие следы, будем более точными-она оставила все положительные свои накопления, хранимые коллективным мышлением, коллективной памятью господствующего слоя, в звуковом языке еще тогда, именно в стадии его становления, когда он, звуковой язык, сменил ручную речь, уже и разговорную, прежде всего как производственно-культовую, т. е. как решающее магическое орудие самого производства. Звуковой язык сменил ручную речь общественно опять таки как орудие борьбы нового господствующего слоя. Но воздействие ручной речи с ручным мышлением на звуковой язык, судя по языковым данным, еще болееуглубилось и еще более расширилось в его становлении разговорным, отнюдь не сразу достоянием низовых масс.

Это имело предпосылкой захват нового орудия борьбы, звуковой речи, как развитого уже разговорного языка, и ее мышления новым господствующим социальным слоем и переход ручного языка полностью во владение противоположности, также нового общественно менее значимого слоя той же формации, лишь впоследствии переход и оседание того же ручного языка с техникой его мышления в низовое вообще население с соответственным производством и его техникой. Мы сейчас обходим отнюдь не детали, а существенные творческие сдвиги, связанные с производственной значимостью женской социальной организации матерей-девиц, предшественниц и участниц вместе с третьей группой, возрастной молодежью в сменах производственных отношений на кровные родовые (имею смелость уточнить: на мнимо-кровные родовые). Эта смена ярко сказалась в так наз. грамматической категории трех родов—мужского, женского и отрочески-детского (по схоластической формальной терминологии—среднего) рода, ярко сказалась она в терминах родства и в соответственных также по принадлежности производства тому или иному слою формации—на производственных кругах всего словаря. Общественно мы находимся пока все еще перед разложением фетишей этнологии, здравствующей доселе буржуазной науки—рода и племени, перерастающих в фе-

[1]) Ср. Н. Марр, Яфетическая теория. Баку, 1927, стр. 77.

одальный строй. А феодальный строй имеет свои пока еще мало учитываемые модальности, за пределами Европы вовсе не учтенные. А европейские модальности феодализма правда ли все учтены? Позвольте утверждать, что нет. Они так же не учтены и забыты, как не учтена и забыта позорно для европейской научной мысли (об общественности и говорить не стоит) роль конкретных доселе доживших до нас модальностей истории созидания из старого „яфетического“, в том числе и феодального мира, „индо-европейского“, о чем говорит язык. С дальнейшим ростом давно уже возникших городов, первично стоянок, и с нарождением наций, мы приближаемся к изживаемой теперь нами последней стадии. От нее у нас в наследие все растущая классовая борьба, ныне обостренная до зенита, и, при предрешенной исторической схватке стального молота и все еще каменной наковальни, нации старого образования оказываются где? Скажем мягко, „академически“: „на перепутьи“, в „критическом положении“. Нас сейчас интересует в этом беглом перечне смен в материальной базе, общественности, одна сторона надстройки, языка-мышления, именно непрерывность ее развития в путях диалектического материализма, во времени движением по стадиям—вертикально, и в пространстве стабилизациею сдвигов производственно-общественным проницанием—горизонтально. И эта сложная непрерывность двух измерений, прослеживаемая на языковых материалах всего мира, на сменах в них идеологии и техники ее выявления, ведет неуклонно к усиливающемуся единству речи с нарастающим единством мирового хозяйства. Оставим пока вопрос об единстве происхождения человека. Но когда речь об языке, где тут единство происхождения языка, родство языков по единству происхождения при бесспорном изначальном родстве, в корне различном при закономерности на различных стадиях? Новое учение об языке с таким языковедно обоснованным восприятием социально-экономических формаций поставлено в необходимость в своей практике и в интересах теории, и в интересах жизни социалистического строительства по-новому вести непримиримую борьбу на идеологическом фронте с отнюдь не изжитым феодально-буржуазным и буржуазным представлением о мнимом происхождении и развитии языков замкнутыми мирами, о мнимо независимом друг от друга в основных линиях росте и процветании языков.

Эта идеологическая противоположность с феодально-буржуазным и буржуазным, а в значительной части нашей страны с помещичье-буржуазным национализмом ввергает яфетическую теорию в самую гущу актуальнейших боевых вопросов современности и ее социалистического строительства. Для яфетической теории жестокая схватка с национализмом не новое дело. Она получила свое боевое крещение, не одно, в пределах многонационального Кавказа. Но национальный вопрос отнюдь не периферийный, он вопрос отнюдь не второго порядка именно на переживаемом нами отрезке укрепления идеологических основ октябрьских завоеваний. При противоположном с капиталистическими странами не только восприятии советской страной националь-

ного вопроса, но и революционно-законодательном утверждении в нашей конституции и до последней крайности четком его разрешении руководящей партией, он, национальный вопрос, у нас, в СССР, где народов-наций и кандидатов в нации вдесятеро больше, чем республик, и где массовая работа над ним дает, уже дала, чувствительные всходы, вопрос вырос в гигантскую мирового значения проблему неразрывно и теоретическую, в первую голову языковедную, и практическую во всех отношениях, начиная с политической: вопрос животрепещущий, актуальный. Никогда в связи с этим язык не изучался так усиленно, языкам не расточалось такое внимание и за рубежом, как в наше время бешеной борьбы фашизма всяких толков и степеней с нашим крайне напряженным социалистическим строительством. Естественно, и новая языковедная теория, „яфетическая", выросшая в борьбе с националистическим пониманием общественности, оказалась в процессе своего развития в положении передового бойца на идеологическом фронте. Естественно, с туго нарастающим пониманием теории в академических кругах вообще, а на Западе одновременно с ростом к ней внимания в наиболее независимых интеллигентских кругах и в то же время в противоположных кругах всех толков при их стремлении использовать ее технику без идеологии „яфетическая" теория сделана в этой мировой борьбе мишенью самых яростных и самых злостных нападок, тем более яростных, чем успешнее она разрешает теоретически основную языковедную проблему, ибо эта общая философская проблема конкретно и практически является и проблемой национальных образований. Я не буду повторяться, в какой степени языковедное ее решение, идущее в новом учении об языке ныне (а раньше?) отнюдь не стихийно, а осознанно методом диалектического материализма, покрывает точностью положения и высказывания, а иногда разрешает впервые задания основоположников марксизма-ленинизма, теоретиков-практиков этой революционной философии—Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Сейчас остановлюсь лишь на одном пункте национального вопроса, самом боевом в переживаемый момент, именно том, можно ли строить социализм народам нашего Союза, „не получившим свое национальное развитие на базе капитализма"? Мне, думаю, нечего тут повторять общетеоретическое и практическое решение революционного марксизма-ленинизма. Но что утверждает „яфетическая" теория на основании конкретных языковедных фактов, при всем том, что в истории возникновения и развития речи и мышления эта новая языковедная теория устанавливает революционную стадиальность в их росте и требует строго учета этих стадий? Новое учение об языке с фактами в руках не доказывает, а показывает, что для стадиальных сдвигов мирового языкотворчества народы с языковой установкой одной из ранних стадий идеологически перестраивают свою речь по потребностям актуальности, минуя промежуточные стадии, необходимые для мирового процесса, и так пуская свои живые корни в творческое, наливающее их новыми соками-силами производство новой стадии. Новейший документ этого порядка—вскрытие факта, что общая установка строя речи и тех-

ники мышления немцев, являясь двустадиальной и будучи одной стадией—современной, другой относится к стадии более древней, чем подлинные языки индо-европейской системы, чем латинский и греческий. Эта установка у немецкого от весьма ранней стадии языков яфетической системы, при том более древней ее групповой разновидности, чем грузинский и даже мегрельский и чанский. У немцев определилась установка языка и присущая ей техника мышления, откуда ими сделан скачок, с линии ранней стадии, яфетической, общей со сванским языком и языками Армении до индо-европейским халдским и по возникновении индо-европейской системы армянским, но армянским феодальным, древнеписьменным, ныне „мертвым".[1]) И вот поставлю вопрос: можно ли утверждать, что немцы не сделали удачного скачка в производственную и интеллектуальную современность наиболее просвещенных народов Западной Европы? Можно ли, следовательно, не принять как аксиому ту формулировку одного из наших товарищей, специалиста по Востоку, уже о практических путях строительства социализма, которая обоснована на хорошо известных мыслях Ленина и Сталина и гласит:

„Народы, не получившие возможности строить свое национальное развитие на базе капитализма, должны оформлять его, опираясь на всемирно-исторический процесс революционной ломки и социалистического строительства. В этот процесс они вносят свой вклад". [2])

Не правда ли, это положение, политически значимое и для зарубежных стран, как исторический закон, его не прейдеши, нас обязывает не только к соответственной работе на помощь перерастанию отставших национальностей, для скачка их в социалистическое строительство, но и для создания неизбежно сложной методологии такой работы применительно к разнообразным конкретным установкам национального строительства таких народов у нас: они разнообразны, как за рубежом Там это вопросы лишь колониальные или полуколониальные, империалистические вовне и великодержавные внутри, но решать их, где бы то ни было, минуя национальный вопрос, без правильного теоретического его раз'яснения, в том числе отнюдь не последним расчетом и языковедного, это nonsens, т. е. бессмыслица, кустарническая бессмыслица, если не хуже, именно оппортунизм и т. п. Однако у нового учения об языке уйма других теоретических проблем, разрешенных или на пути к разрешению или, наконец, сигнализуемых к разрешению и имеющих самое существенное значение для актуальных вопросов нашего строительства. Так, вопрос, об антирелигиозной пропаганде: можно ли вести ее успешно, игнорируя достижения нового учения об языке? Утверждаю, что нет.

Не только культурно, но экономически, финансово важнейший актуальный вопрос, это вопрос об единстве письма, как единстве

[1]) Н. Я. Марр. Новый поворот в работе по яфетической теории. Известия АН СССР, 1931, стр. 637—682.

[2]) Г. Сафаров. Проблемы национально-колониальной революции. Соцэкгиз, 1931, стр. 241.

мер, весов и числовых знаков, цифр. Можно ли его достигнуть без учета глубокой теоретической проработки вопроса об языке по-новому игнорируя достижения нового учения об языке. Утверждаю, что нет.

Разве вопрос о созидании литературных языков культурно отсталых народов СССР не один из актуальных вопросов нашей современности? Можно ли состоятельно для нашей социальной среды вырабатывать какой-либо литературный язык или хотя бы часть его, терминологическую, не используя достижений нового учения об языке? Утверждаю, что нет.

А составлять словари? А исследовать литературоведчески художественные красоты писателя от него лично, как нас уверяют, происходящие (его—этого кумира—писателя, олицетворяющего, мол, стиль), можно ли исследовать всерьез генетически, не справившись в том новом языковедном учении, которое вскрывает их коллективные производственные корни?

Не следует смущаться, что новая языковедная теория вторгается в компетенцию всех обществоведческих областей знания. Наш перечень актуальных проблем, не только практических, но и теоретических, в которых новое учение об языке имеет основание вторгаться, отнюдь не исчерпан. И это вполне справедливо. Почему? А потому, что язык, немыслимый без неразрывно с ним связанного мышления, является надстройкой всех сторон и всех моментов производства и производственных отношений. В языке находят свое полное надстроечное отложение и другие категории самой надстройки, и в этом смысле язык, в освещении нового учения об языке, является наиболее приспособленным орудием для поднятия общего образования подрастающего поколения во всех школах и для повышения общего образования взрослой аудитории учебных организаций всех ярусов, включая высшую школу. Он же, язык, по своему ныне вскрытому в нем политехническому содержанию, является столь же приспособленным орудием в содействии политехнизации школы.

А язык? Преподавание языка? Здесь, скажет ли кто, теоретически все обстоит благополучно, дело спорится? Можно ли далее вести его успешно, отворачиваясь от законченных достижений нового учения об языке, не дорабатывая далее поставленных им проблем, часто уже намеченных к немедленному решению, не критикуя их в самой практике и не углубляя их понимание?

Ответ, думаю, нет надобности подсказывать.

(Н. Я Марр. Язык и современность 1933 г. стр 30-35)

Либералы отличаются от реакционеров тем, что, по крайней мере, для начальн й школы они признают право преподавания на родном языке. Но они совершенно сходятся с реакционерами на счет того, что обязательный государственный язык должен быть.

Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населе-

ния России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые его защищают?

„Доводы“ черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им „распускаться“. Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить „собачьи наречия“, на которых говорит до 60 проц. невеликорусского населения России.

Позиция либералов—гораздо „культурнее“ и „тоньше“. Они за то, чтобы в известных пределах (например, низшая школа) был допущен родной язык. Но вместе с тем они отстаивают обязательность государственного языка. Это, мол, необходимо в интересах „культуры“, в интересах „единой“ и „неделимой“ России и т. д.

> „Государственность есть утверждение культурного единства. В состав государственной культуры непременно входит государственный язык. В основе государственности лежит единство власти, и государственный язык—орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как и все другие формы государственности.
>
> Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка“.

Вот—типическая философия либерала относительно необходимости государственного языка“.

Приведенные слова заимствованы нами из статьи г. С. Патрашкина в либеральной газете „День“ (№ 7). За такие мысли, по вполне понятным причинам, черносотенное „Новое время“ наградило жирным поцелуем автора их. Г-н Патрашкин высказывает здесь „вполне здравые мысли“—заявила газета Меньшикова (№ 13588). За такие весьма здравые“ мысли черносотенцы постоянно хвалят и национал либеральную „Русскую мысль“. Да и как не хвалить, раз либералы при помощи „культурных“ доводов пропагандируют то, что так нравится нововременцам.

Русский язык—велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите. что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы—отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского—велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными

классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о „культуре" вы не сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучить его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собой. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии—этого не нужно. Он не признает *никакого* национального угнетения, хотя бы и в интересах русской культуры и государственности.

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо,—*отсутствие* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав „национального меньшинства".

(В. И. Ленин. Нужен-ли обязательный государственный язык. Собр. соч. т. XIX. стр. 81-89 ГИЗ 1935 г.).

Международный язык

У человечества с каждым днем возрастает потребность в общем языке, одном общем мировом языке. Наука по этому вопросу не дает никакого определенного ответа, разве только иногда предлагают вернуться к латыни. Жизнь, конечно, не ждет, и возникают различные суррогаты вроде эсперанто, идо и т. д.

(Н. Я. Марр. Будущее Академии наук).

...предполагалось, что судьба вопроса о создании всеобщего языка зависит от того, согласятся ли на его постановку специалисты и признают ли они возможным создание искусственной речи. Достаточно что его ставит жизнь.

(Н. Я. Марр. Предисловие к книге З. Дрезена „За всеобщим языком", стр. 4, М.—Л. 1928 г.)

Поскольку жизнь неумолимо ставит перед нами всеми вопрос о живом орудии международного общения, то этот важнейший и ни на минуту не устранимый вопрос нового интернационального общественного строительства нас вынуждает отвлечься от куцых перспектив настоящего, отойти от имеющихся в нашем распоряжении ограниченных как бы натуральных средств или возможностей международноязычного общения и говорить не о многочисленных международных языках, живых или мертвых, традиционных, всегда классово-культурных и всегда неминуемо империалистических, а об едином искусственном общечеловеческом языке и говорить о нем не утопистически и не кустарно-самодельнически, во вкусе и в поддержание европейского империализма, а в подлинно мировом масштабе, с охватом языковых навыков и интересов не одних верхних тонких слоев, а масс, трудовых масс всех и языков и стран, не исключая ни т. н восточных народов, ни тех стран, которые до сих пор были заклеймены как места ссылок или обречены как колониальные и „туземческие" районы пассивно давать материал на метропольные строительства, быть своего рода пушечным мясом в созидании будущей культуры, как она планировалась и строилась до Октябрьской революции. И в этих новых, отнюдь не мечтах, а серьезных, совершенно трезвых думах о будущем всемирном едином языке мы снова возвращаемся к яфетической теории, к существенной необходимости знать ее общее учение об языке. Это вовсе не значит, что мы забываем о давних опытах создания искусственных международных языков, о существовании такого искусственного международного языка, как общественно преуспевающий эсперанто, как хотя бы проявляющий последние годы большую иссле-

довательскую активность язык идо. Это вовсе не значит, что мы отворачиваемся от них как от quantite negligeable, т. е. от презренных величин, явлений, не заслуживающих внимания.

(Н. Я. Марр. Яфетическая теория стр. 16-18).

Вопрос об эсперанто. Он формулирован так: „Укажите, пожалуйста, в докладе о месте и значении теории эсперанто с точки зрения нового учения об языке? Может ли эсперанто заменить собою, как многие этого хотят, международный язык пролетариата?“ Вопрос об эсперанто, да вообще о всяком искусственном международном языке, хотя бы плоде и группового сочинительства без осознания и, следовательно, без учета диалектического материализма, не может найти себе места в его, диалектика-материалиста, исследовательском деле, точно так-же как богу нечего делать в математике, ни даже в таблице умножения. Эсперанто не представляет в этом отношении исключения. Где прикажете поместить эсперанто в теории, построенной методом диалектического материализма? Эсперанто пока так-же оторвано от базиса современного социалистического строительства, как индоевропеистика. Отсюда при всех расхождениях части лингвистов-индоевропеистов и эсперантистов есть их дружеские схождения, но с новым учением о языке у эсперантистов ничего (как и с наличными пока другими искусственными международными языками), но яфетическая теория, тем не менее, не только не может отрицать эсперанто, как оно есть, но не может, во первых, не приветствовать его задачу—создать мировой искусственный язык, ибо к этому идет в своем историческом процессе вообще язык и наше сознательное воздействие на ускорение единства речи усиливается, но это единство идет не сверху, а снизу от базиса. И когда эсперанто вберет в себя такое содержание, тогда у нас будет основание и долг считаться с эсперанто, но сейчас наш интерес к эсперанто может быть не по специальности, а личный, как к небесполезной в условиях европейской жизни европейской буржуазной продукции.

И теперь будет понятно, почему мы не реагируем и не можем реагировать на выпады эсперантистов против яфетической теории, которые еще более далеки от нужных знаний для ее восприятия, чем автор от одной из охарактеризованных мною.... публикаций СВБ в знаниях действительного положения дел опровергаемой им религиозности.

(Н. Я. Марр. Язык и современность, стр. 37-38).

Путь человеческой речи от многоязычия к единству языка. Возникновение вспомогательных искусственных языков, как эсперанто и др., не исключая и идо, по идее, конечно, предвосхищение будущего, но по выполнению и технике, естественно, суррогат того,[1]) что неизбежно

---

[1]) Кстати, в этом нет ничего обидного, во всяком случае с нашей стороны нет никакого злого умысла против эсперантистов или их конкурентов, а раз'яснение одного из независимо добытых основных положений яфетической теории.

наступит в путях естественного процесса общественной жизни народов: единство языка. Оно явно наступает: путь, пройденный человечеством в направлении к этому достижению, был несравненно более долгий, чем тот, который предстоит ему проделать. Конечно, более развитая общественность может ускорить и должна ускорить этот процесс, но все в путях законов общественного или коллективного творчества, в котором все народы мира признаны принять участие независимо от их воли. Это процесс мировой, от которого ни одна национальность не может спастись, великодержавная не больше, чем слабосильная. Процесс мировой в то же время нисколько не угрожает ничьему национальному росту, ни в какой мере развитию национальных языков и письменностей, хотя бы ныне возникающих. Это мировой процесс громадного охвата, идущий одной хотя все ускоряющейся, но все-таки медленной поступью, общей с мировым хозяйством, ведущим к унификации человечества в отношении условий общения, но вовсе не к обезличению людей. Это дальнейшие этапы победоносной борьбы человечества над природой, дальнейшие этапы в претворении человечеством одних форм общежития, зависящих от механики природы и физических условий, в другие, более свободные формы, зависящие от более совершенного по гибкой приспособляемости и более сложного механизма общественности. Потому-то это дело не только естественников, способствующих накоплению материальных богатств, этих предпосылок общественного перерождения человечества, но так-же и, особенно, общественников, ведущих исследовательские работы над жизнью человечества и человека, как социального явления, над вопросами общественности, ее техники и технических средств в числе их языка и письма. На фоне раскрепощенного от внешних условностей единого людского общежития только и возможно выявление человеком своей индивидуальной сущности в наиболее полном и ярком виде. При движении по этому неизбежному пути условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей степени требуют единства письма, т. е. тожества основных начертаний алфавита и тожества приемов воспроизведения сложных звуков, исходящего от основных или простых звуконачертаний.

(Н. Я. Марр Абхазский аналитический алфавит стр. 16-17).

Переход от различных языков к единому, несомненно, нисколько не труднее совершить человечеству, чем то, что оно уже сделало, создав звуковую речь, раньше вовсе не существовавшую, и увязав ею не один коллектив, а целые группы коллективов, каждую группу и раньше каждый коллектив со своим некогда так же независимым языком до вступления во взаимообщение и до языкового скрещения, следовавшего неизбежно за хозяйственно-общественным схождением. Трудности многочислены, но превзойдены гораздо более серьезные препятствия, как казалось, непреодолимые. Единство письма—назревший вопрос. Единство номенклатуры мер и весов совершившийся факт

в одной части мира, равно как единство не только календаря, но и календарных терминов. В известной истории всеобщего языка французские авторы указывают на то, что первое условие организации научного труда—единообразие номенклатуры, т. е. научный международный словарь, и что это уже половина международного языка.[1]) Им, очевидно, не было известно, что никакое производство не обходилось без своей номенклатуры, и что словарь человеческой речи вообще состоит в основе из терминов различных производств, т. е. интернационализация человеческой речи началась задолго до возникновения единообразия номенклатуры научного труда. Трудовая жизнь создала их, и она же ведет к единству вообще всей речи, предпосылая ей единство хозяйства и общественного строя и этим путем сметая все препятствия. Есть, конечно, как теперь кажется, неустранимые трудности. Дело сложное, сложность не в громадном количестве слов или в их бесконечно разнообразном звуковом оформлении, наследственно различных, а в установившихся, в среде общающихся, и говорящих и слушающих, отношениях между звуковыми сигналами и обозначаемыми предметами. Так, напр., хотя сейчас не подлежит никакому оспариванию факт, что язык абсолютно не возникал ни в какой мере в путях звукоподражания, первые звуковые слова были выразителями функций, а не самой техники явлений или действий, тем не менее ныне и тот факт, не менее бесспорный, что между словом и обозначаемым им предметом успела установиться такая связь, что сейчас отрицать существование звукоподражательных слов никто не может. Но как в таком случае сохранить это новым международным языкам, когда звукоподражательность у каждого народа иная?

Новый хозяйственно-общественный строй с единством одной общей структуры и с соответственной общностью надстроечных миров с их терминологией преодолеет не одно такое затруднение средствами, нам сейчас и в воображении не представляющимися. Но в таком случае мы, следовательно, относимся отрицательно к всеобщим языкам, не в своевремении явившимся, в том числе и эсперанто? Ничего подобного. Каждому овощу свое время. Кроме того, наличные уже практически действующие языки, в числе их и эсперанто, чем больше преуспевают, тем больше подтверждают правильность положения яфетической теории об искусственном происхождении вообще звуковой речи, да, кроме того, содействуют накоплению материала для правильной постановки дела созидания единого языка человечества.

(Н. Я. Марр. Предисловие к книге Э. Дрезена „За всеобщим языком“, стр. 8-9 М.-Л. 1928 г.)

...на будущую речь человечества яфетическая теория не может иначе смотреть, как на искусственно имеющий быть созданным язык, с тем отличием от прежней общественной работы в этой области куль-

---

[1]) L. Couturat et de. Leau, Histoire de la langue universelle. Париж. 1903. стр. IX

турных достижений, что бессознательный традиционный момент все более и более должен уступить место осознанному участию в ней, наследственная пассивность должна преобразиться, выделив из себя соответственную свою антитезу, в новообщественную активность, руководимую или планируемую на основании конкретных данных и техники творческой работы человечества прошлых веков, многочисленных веков и тысячелетий, общих усилий над созиданием речи, начиная с момента ее возникновения, когда из элементов, человечеством же в других целях созданных четырех элементов, позднее созидались и создались языки и образовались типологически различные их системы. Ни одно достижение древних не должно остаться не учтенным и не использованным в новом языковом строительстве. В связи с этим интерес именно к будущему, а не приверженность к древности и ее отмершим и отмирающим мировоззрениям заставляет направить свой исследовательский интерес в одинаковой степени и к языкам прошлых веков, не исключая мертвых, и ко всем живым, т. н. отсталых, на деле отброшенных господствовавшими нациями и классами народов от сознательного активного участия в творившейся доселе культуре.

(Н. Я. Марр Яфетическая теория. стр. 21).

...будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, дооктябрьском, да и в том бывшем мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный. При новом дыхании жизни современной общественности не может не чуять наступления своего конца в самой своей стране даже такой тысячилетиями взращивавшийся общий для многих миллионов письменный язык, как китайский, не живой китайский язык, а мертвый письменный с его изжитой для современности техникой.

(Там-же, стр. 19)

Каков же будет язык, единый язык будущего бесклассового общества, а с ним роль мышления?

На всех стадиях мышление неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво, но, будучи также одинаково с языком коллективно, мышление с языком расходится техникой, качеством, количественным охватом своей службы. Язык в действии обслуживает лишь актуальный коллектив, притом в различных пределах в зависимости от технических слуховых или зрительных средств распространения речи, тогда как для мышления физических пределов нет, пределы же замыкания—временны, поскольку они и во времени и в пространстве отодвигаются или совершенно снимаются с расширением и углублением опытных знаний.

Язык подвержен воздействию окружения непосредственно или при посредстве слуховой передачи лишь в современности, а в прошлом, как и в будущем, его отношения реализуются только письмом, с определенной стадии закабалившим живой язык, а мышление, не имея иных способов выявления, как язык или его замена, не имеет кроме пределов своих знаний, никаких препон для общения со всем миром, и прошлым, и будущим: мышление действуя как надстройка базиса, творило в ней, в надстройке, собственно лепило то, что никто не постигал, материально лепило мифы, зачатки мировоззрения и эпоса. Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках, действие мышления происходит и без выявления. У языка, как звучания, имеется центр выявления, центр работы мышления имеет мозговую локализацию, но все это формально особенно звукопроизводство, всегда сочетаемое с мышлением или с продукциею мышления. Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык—мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы. И великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата, в борьбе выковывающего бесклассовое общество и содействующего дальнейшей четкой выработке уточненного восприятия мира Развитая им, мышлением, техника—сотрудница в перестройке всего мира. Мышление с техникой и подчиняет всю вселенную беспрекословно человечеству, как единственному разумеющему хозяину, вышедшему из производственного труда, им пересозданному из животного в человека и в осознанном слиянии с ним имеющему взломать новыми знаниями замыкания во времени и пространстве и творить бесконечно и беспредельно.

(Н. Я. Марр. Язык и мышление, стр. 61-63).

Борьба за чистоту в языке.

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно, к чему говорить „дефекты“ когда можно сказать „недочеты“ или „недостатки“ или „пробелы“.

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новичку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам об'явить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние иа массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово „bouder“(будэ) значит „сердиться“, „дуться“. Поэтому „будировать“ значит, на самом деле, „сердиться“, „дуться“. Перенимать французско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, недоучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли об'явить войну коверканию русского языка?„

(Ленин В. И. Об очистке русского языка).

Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, „барскому анархизму“ и погоне за наживой—социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса.

(В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература. Сочинения, т. 7, часть 1 стр. 21-22).

Известно, что все способности, отличающие человека от животного, развились и продолжают развиваться в процессах труда, способность членораздельной речи зародилась тоже на этой почве. В глубокой древности речь людей была, разумеется, крайне бедна, количество слов—ничтожно. Создавались и действовали только слова глагольных форм, соответствующие современным: рубить, тащить, поднимать и т. д., слова измерительные: тяжело, коротко-близко, длинно-далеко, горячо, холодно, больно и пр. Даже наименование орудий труда явилось гораздо позднее, уже в ту пору, когда человек нашел возможным командовать кому-то: подай, принеси, положи, отломи...

Речь обогащалась новыми словами в прямой зависимости от расширения трудовых приемов, вызванных возрастающим разнообразием целей труда и сообразно осложнению этих приемов. Легко понять, что эта речь, совершенно исключала наличие в ней слов бессмысленных.

Тысячелетия тягчайшего труда привели к тому, что физическая энергия трудовых масс создала условия для роста энергии разума,— интеллектуальной энергии. Разум человеческий возгорелся в работе по реорганизации грубо организованной материи и сам по себе является ни чем иным, как тонко организованной и все более тончайше организуемой энергией, извлеченной из этой же энергии путем работы с ней и над ней—путем исследования и освоения ее сил и качеств. Классовая организация общества повела к тому, что право на пользование силою разума и на свободное развитие его было, вместе с другими правами,отнято у рабочих масс. Это повело к преступному искусственному замедлению роста культуры, к тому, что она сосредоточилась в обиходе меньшинства людей, и, наконец, к тому, что в наши дни обнаружилась поверхностность, непрочность этой культуры—обнаружилась готовность эксплоататоров отказаться от интеллектуальных ценностей и как бы зачеркнуть многовековый труд масс—Фундамент „культуры духа“, обладанием, которой буржуазия еще недавно гордилась и хвасталась как ее собственностью, ее достижением.

В глубочайших социальных событиях, развивавшихся издревле и до наших дней, не должны бы иметь места слова, лишенные смысла, все они осмыслены правдой или ложью. Ложь и правда развились из одного источника: из общественных отношений, в основе коих заложена эксплоатация труда большинства меньшинством и борьба трудящихся против эксплоататоров. Наиболее усердными и ловкими творцами лжи всегда были теологи, церковники и философы, которые, идя по путям, указанным всевластной в свое время церковью употребляли гибкую силу иезуитски растленного разума на борьбу против всех ростков подлинной социальной правды. Но и среди этих людей были редкие случаи, когда порочный разум понимал трагедию трудового человечества и даже монахи начинали говорить о необходимости изменения тягостных и позорных условий жизни трудового народа.

Теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов разоблачен, и хотя скорлупа некоторых—напр. слова „ад“ — осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом. Остаются в силе такие церковные словечки, каковы: лицемерие, двоедушие, скудоумие, лихоимство и множество других словечек, коими, к сожалению, утверждается бытие фактов. Поэтому один из корреспондентов моих, утверждая „необходимость изгнать из языка церковно-славянские слова“, стреляет мимо цели: изгонять нужно прежде всего постыдные факты из жизни и тогда сами собою исчезнут из языка слова, определяющие эти факты. В старом славянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо различать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии. Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и „Жития“ его остаются непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться.

Откуда и как являются в языке, основанном на процессах труда, на попытках раз‘яснения или затемнения все растущей сложности общественных отношений, слова паразитивные, лишенные смысла? Есть очень простой ответ: всякий паразитизм порождается паразитами. Но ответить так—слишком просто, а потому—вредно.

Не помню, где, когда-то в юности я прочитал такое об‘яснение слова „рококо“, которым наименован стиль внутреннего убранства жилищ: группа французских дворян, приглашенная буржуазией какого-то города на праздник, была поражена затейливостью и великолепием украшений мерии—городской думы; среди этих украшений особенно выделялся галльский петух, сделанный из цветов. Один из вельмож, может быть, заика или же просто глупец, вскричал “Ро-ро-ро“, а спутники его подхватили: „Ко-ко-ко.“ И этого было достаточно, чтоб „отцы города“ приняли бессмысленное слово, как наименование стиля украшений. Так как это—глупо, то можно думать: это—верно.

Но уже вполне бесспорно, что засорение языка бессмыслицами является отражением классовой вражды, поскольку она принимала формы презрения, пренебрежения, насмешливости, иронии. Феодальное дворянство Англии, Франции вышучивало и осмеивало речь буржуазии, когда буржуазия начала говорить языком своих—„светских“—философов, своих литераторов и стало более грамотной, более „свободомыслящей“, чем дворяне, воспитанные попами. В свою очередь буржуазия издевалась над языком ремесленников, крестьян и обессмысливала его точно так же, как наши крестьяне осмеивали, искажали обессмысливали слова помещиков, дачников и вообще горожан.

Разумеется, засорение языка паразитивными, обессмысленными словами шло не только по этой линии, много вреда принесли и приносят в этот процесс бездельники. В поволжских городах засорение языка дрянными выдумками было одной из любимых забав гостинодворских купцов. Зима—жить скучно, торговля идет тихо, редкие покупатели обслуживаются приказчиками, хозяева устали играть в шашки,

устали чай пить, беседовать не о чем, но дар слова еще не утрачен. И вот нижегородский купец Алябьев— „Торговля пенькой, лубком, рогожей“ развлекает скучающих соседей, именуя игру в шашки—„баботня“, дамку —„барерина“, нужник—„вытре козе“, т. е. ватер-клозет Или брал две строки старинной частушки:

„Мела баба сени
Потеряла веник—

и прилаживал к ним собственные измышления:

Чорт веник нашел—
В баню париться пошел
В бане мылась барыня
Пудовые титьки—

дальнейшее—неописуемо. Но было жутко смотреть, когда этот большой толстый человек, - с маленькой головкой подростка с желтым опухшим личиком скопца, с жиденькими усиками кота, зеленоглазый, мелкозубый, точно щука, впадал в ярость и, притопывая тяжелыми ногами, дергая руками подол лисьей шубы, жирно всхрапывал и сипел:

Пароходы-моровозы
Гыр-гыр, гар-гар
Гадят Волгу, портят воду
Дым-дым, пар-пар
Возят курв, халд, шлюх,
Возят всякую стерву
Губят скувя, стерлядь
Эх, чох, чих, чух...

Хотя купечество за спиною Алябьева посмеивалось над ним—„Паяц, кловун“,—но к „творческим“ его припадкам относилось весьма серьезно, чувствуя в них некий смысл, и очень побаивалось игры буйного его языка. „Мужик—вещий, понимает, чего нам не понять“—говорил о нем Павел Морозов, торговец канатами и веревкой, увлекавшийся „от скуки жизни“ тем, что портил слова, переставляя в них слоги: вместо не хочу, он говорил: „не чухо“, сахар называл „харса“, калач—„лачка“ и т. д. Но когда приказчик его Попов, прославленный обжора назвал праздник—„грязник“, Морозов дал ему пощечину: „Не передразнивай, дурак, хозяина!“

Новые слова купечество и мещанство по малограмотности своей выдумывало с трудом и незатейливо. Когда уральские заводы Яковлева унаследовал Стенбок-Фермор, гостинодворцы не могли правильно выговорить эту фамилию и произносили—Столбок Морковь. Словесным хламом обильно снабжали купцов и мещан паразиты: странники по святым местам, блаженные дурачки, юроды типа Якова Корейши, „студента холодных вод“, который говорил таким языком: Не цацы, а бенды кололацы“. Огромную роль в деле порчи и засорения языка играл и продолжает играть тот факт, что мы стараемся говорить в Тифлисе фонетически применительно к языку грузин, в Казани—татар, во Владивостоке—китайцев и т. д. Это чисто механическое по-

дражание, одинаково вредное для тех, кому подражают, и тех, кто подражает, давно стало чем-то вроде „традиции“,а некоторые традиции есть не что иное, как мозоли мозга, уродующие его познавательную работу. Есть у нас „одесский язык“, и не так давно раздавались легкомысленные голоса в защиту его „права грждантсва“, но первый начал защищать право говорить „тудою“, „сюдою“—еще до Октябрьской революции—сионист Жаботинский.

В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры пред нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама. Именно к этому сводится одна из главнейших задач нашей советской литературы. Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот „великий прекрасный язык“, служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого. Не надо забывать, что наша страна разноязычна неизмеримо более, чем любая из стран Европы, и что, разноязычная по языкам, она должна быть идеологически единой.

Здесь я снова вынужден сказать несколько слов о Ф. Панферове, человеке, который стоит во главе журнала и учит молодых писателей сам будучи видимо неспособен или не желая учиться. В предисловии к сборнику „Наше поколение“ он пишет о „нытиках и людях, рабски преданных классическому прошлому“, о людях, „готовых за пару неудачных фраз положить на костер любую современную книгу“. Он утверждает, что „после постановления ЦК писатели пошли, как плотва“, „что молодое поколение идет в литературу твердой поступью, несет в литературу плоть и кровь наших детей „Какой смысл имеет фраза: „молодое поколение несет в литературу плоть и кровь наших детей“? Что значит „классическое прошлое“? Почему Панферов утверждает в предисловии к сборнику „Наше поколение“, что „марксизм—стена“? Я утверждаю, что эти слова сказаны человеком, который не отдает себе отчета в смысле того, что он говорит „Плотва“—рыбешка мелкая и невкусная, многие молодые люди идут в литературу как в „отхожий промысел“ и смотрят на нее как на легкий труд. Такое отношение к литературе упрямо внушается молодым людям наставниками и „учителями жизни“ типа Панферова. Неосновательно захваливая, преждевременно печатая сочинения начинающих авторов, учителя наносят явный вред и литературе и авторам. В нашей стране каждый боец должен быть хорошо грамотным человеком, и „вожди“, которые создают себе армию из неучей, вождями не будут.

Борьба за очищение книг от „неудачных фраз“ также необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно— в общем— восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: „мура“, „буза“ „волынить“, „шамать“, „дай пять“, „на большой палец с присыпкой“, „на ять“ и т. д. и т. п.

Мура—это черствый хлеб, толченый в ступе или протертый сквозь терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; „буза"—опьяняющий напиток, „волынка"—музыкальный инструмент, на котором можно играть и в быстром темпе, „ять", как известно, буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надобно помнить, что в словах заключены понятия. организованные долговечным трудовым опытом, и что одно дело— критическая проверка смысла слов, другое—искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено—тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие—„оттачивать его"

(М. Горький. О языке. Лит газет № 33, 1934 г.).

Первоэлементом литературы является язык, основное орудие ее и—вместе с фактами, явлениями жизни—материал литературы. Одна из наиболее мудрых народных загадок определяет значение языка такими словами: „Не мед, а ко всему льнет." Этим утверждается, что в мире нет ничего, что не было бы названо, наименовано. Слово—одежда всех, фактов всех мыслей. Но за фактами скрыты их социальные смыслы, за каждой мыслью скрыта причина: почему та или иная мысль именно такова, а не иная. От художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значительности, полноте и ясности, требуется четкий, точный язык, тщательно отобранные слова. Именно таким языком писали „классики", вырабатывая его постепенно, в течение столетий. Это подлинно литературный язык, и хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным духом, т. е. строем общеплеменного языка. Само собой ясно, что речевой язык остается в речах изображаемых литератором людей но остается в количестве не значительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его. Например, в „Плодах" просвещения у Толстого мужик говорит: „Двистительно." Пользуясь этим словом, Толстой как бы показывает нам, что мужику едва ли ясен смысл слова, ибо крайне узкая житейская практика крестьянина не позволяет ему понимать действительность как результат многовековых сознательных действий воли и разума людей.

В молодости я тоже стремился выдумывать новые слова, причиной этого наивного стремления послужило красноречие юристов—адвокатов прокуроров. Мне было странно видеть, что добро и зло оде-

заются одинаково красивыми словами, что обвинители и защитники людей с равносильной ловкостью пользуются одним и тем же лексиконом. И я смешно трудился, сочиняя свои слова, исписывая ими целые тетрадки. Это была тоже одна из детских болезней. Спасибо действительности, она, хороший врач, быстро вылечила меня.

История культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей вместе с разнообразием новых приемов труда и обострением классовых противоречий.

Это подтверждается и фольклором: пословицами, поговорками, песнями, и это естественный путь развития речевого языка. Искусственные, надуманные новшества в этой области так же бессильны, как и консервативная защита устаревших слов, смыслы коих уже стерлись выпали. Напомню для ясности, что Пушкин высоко ценил язык московских просвирен, учился у своей няни Арины Родионовны. Замечательнейший знаток речевого языка Лесков тоже учился у няньки, солдатки. И вообще скромные няньки, кучера, рыбаки, деревенские охотники и прочие люди тяжелой жизни определенно влияли на развитие литературного языка, но литераторы из стихийного потока речевого бытового языка произвели строжайший отбор наиболее точных, метких и наиболее осмысленных слов. Литераторы наших дней крайне плохо понимают необходимость такого отбора, и это резко понижает качество их произведений. Отсюда разноречие в споре о качестве, а также упрямые попытки лентяев и двоедушных хитрецов замять спор, свести его к вопросам грамматики, тогда как в нашей стране спор о качестве словесного искусства имеет определенный глубоко социальный смысл.

(М. Горкий. Беседа с молодыми литераторами.
Из литературной газеты № 50, 1934 г.).

Один из литераторов, добродушно задетых мною в „Письме к Серафимовичу“ упрекает меня в том, что я неправильно оценил его книгу и обидел его лично, назвав писателем „бойким“.

Когда говорят: „бойкий парень,“ это—похвала, а непорицание. Но в данном случае, должно быть, и сам литератор смутно почувствовал, что его словесная бойкость не похвальна, не уместна и даже вредна в таком глубоко серьезном, деле каким является наша советская литература Если он действительно почувствовал это,—его можно поздравить, ибо: значит он начинает понимать существенное и резкое различие между бойкостью и боевым революционным отношением к работе словесного художественного отражения „об‘ективной действительности“. Это различие понимается, видимо, не легко.

Время повелительно требует строжайшей точности формулировок и у нас есть где, есть у кого учиться искусству этой точности. Мы живем в напряженной, героической и успешной работе строительства нового мира и живем в состоянии непрерывной войны со старым миром, звериная ненависть которого растет вместе с нашими победами, вместе

с нашим все быстрее растущим влиянием на пролетариат всех стран, Как вся работа нашей партии, наша литература—боевое революционное дело. Ее задача: борьба против прошлого в настоящем и утверждение социалистических достижений настоящего, как ступени на высоту социалистического будущего. Выполнимы ли эти задачи посредством многословия, пустословия и набора уродливых слов из мещанского лексикона провинции? Прошу понять: я говорю не о смысле книг—это дело критиков—я говорю о необходимости технически грамотного отношения к работе, о необходимости бороться против засорения языка мусором уродливо придуманных слов, о необходимости учиться точности и ясности словесных изображений. Литературный и речевой язык наш обладает богатейшей образностью и гибкостью, не зря Тургенев назвал его „великим", прекрасным. Нельзя ссылаться на то, что в „нашей области,—так говорят", книги пишутся не для одной какой-то области. В нашей огромной стране существуют места, еще слабо освещенные огнями Октября, темные места, где население продолжает употреблять плохо освоенные слова чужих языков, безобразные слова. Процесс освоения иноязычных слов вполне законен тогда, когда чужие слова фонетически сродны освояющему языку. За годы революции нами созданы и освоены десятки чужих слов, например: листаж, типаж, вираж монтаж, халтураж, но это потому, что раньше мы освоили слова: паж, багаж, кураж, а еще раньше в наш язык вкоренились слова: страж, кряж, тяж и т. д. Вполне естественно заменить слово правило более кратким английским—руль. Все языки стремятся к точности, а точность требует краткости, сжатости.

После 1812 года два французских слова: „шер ами" остались в нашемязыке как одно „шерамыжник", сделанное по типу: подвижник книжник и т. д. Шерамыжник значит: попрошайка, надоедник, обманщик—вообще жалкий и ненадежный человек, и в этом слове заключено сложное впечатление, которое вызывалось пленными французами. Слово „грипп" легко вошло в речевой обиход, потому, что у нас есть скрип, хрип. И всегда причиною освоения слов чужого языка служит их краткость и звуковое родство с языком освояющим.

Нет никаких причин заменять слово „есть" „блатным словом „шамать" и вообще вводит в литературу блатной язык. Нет смысла писать „бубенчик звеникает," когда имеются более точные звукоподражательные определения: брякает, звякает, бренчит. Я предлагаю молодым литераторам обратить внимание на „частушки"—непрерывное и подлинно „народное" творчество рабочих и крестьян. Много ли мы найдем в частушках провинциализмов, уродливых местных речений и бессмысленных слов? Отбросив в сторону подражания частушкам, сочиняемые свободомыслящими мещанами и скептически настроенными шутниками, мы увидим, что частушки строятся из чистого языка, и если иной раз слова в них сокращены, изменены, это делается всегда в угоду ритму, рифме.

Разговорчики о необходимости обогащения русского языка подозрительны по своей искренности и безрезультатности, если не считать

положительным результатом засорение языка хламом. Весьма многие литераторы восхищаются словотворчеством Велемира Хлебникова и Андрея Белого, однако незаметно, чтоб кто-нибудь из восхищающихся пользовался лексиконом названных авторов. Я—не поклонник Хлебникова и Белого, на мой взгляд оба они творили словесный хаос, стремясь выразить только мучительную путаницу своих узко и обостренно индивидуальных ощущений. Однако это были талантливые люди, и у них можно бы кое-чему поучиться Но, как видно, учиться мы не очень любим. А вокруг нас большие тысячи молодежи охвачены жаждой знания, пролетариат быстро укрепляет и развивает силы свои, создавая новую интеллигенцию, она уже пред'являет к литературе все более высокие и серьезные требования, и у нас вполне возможно такое положение, при котором массовый читатель будет идеологически и культурно грамотнее писателей. Повторяю еще раз: идеологически и художественно точное изображение нашей действительности в литературе повелительно требует богатства, простоты, ясности и твердости языка.

Теперь о „бойкости". В понятие „бойкость" вместе с быстротой соображения и поступков всегда включается легкомысленное, поверхностное, непродуманное отношение к людям, к различным явлениям жизни. Бойкий человечек торопится показать себя людям, не похожим на них, обратить на себя внимание ближних, высунуться вперед, пококетничать словом, новеньким костюмом и даже лохмотьями старого. Лохмотья тоже могут украсить человека, и мы знаем, что среди нищих есть не мало таких, которые отлично умеют рисоваться своей нищетой. Известно также, что есть люди „нищие духом", они считают основным достоинством и украшением пережитые ими неудачи, несчастья и, желая показать миру свою исключительность, назойливо рассказывают о своих личных страданиях, не умея, а иногда и сознательно не желая выявить общесоциальные причины, коими эти страдания обусловлены. Не желают потому, что боятся поставить себя в бесконечный ряд „страдальцев" и признать для себя необходимость активного участия в борьбе против источников всех страданий. Не желают потому, что им больше всего „по душе" роль живых, двуногих „укоров" людям, которые деятельно разрушают привычные для эстетов страдания, мрачные „достоевские" условия жизни, достоевскую философию ценности страданий. Не желают, наконец, потому, что „пусть мир погибнет, а мне чтобы чай пить". Все эти красавцы воспитаны и неизлечимо отравлены обществом лавочников, в котором, как известно, „человек—человеку—волк". Бойкий человек—духовный родственник им, ибо он—индивидуалист и едва ли излечимый.

Как заявляет он о себе в нашей советской литературе, которая работает накануне организации бесклассового общества, которое будет построено на ярких индивидуальностях, но не может и не должно включить в себя представителей мещанского индивидуализма и анархизма?

Я довольно хорошо знаю тип дореволюционного литератора, в большинстве это—мало приятный тип, мягко говоря. Но я утверждаю, что дореволюционный литератор не употреблял так часто и громко

местоимения „я“, как это принято нашими литераторами из разряда бойких.

Если прислушаться к шуму в текущей литературе — услышишь, что в нем преобладает звук „я“. „Я начал писать“, „я пишу“, „я кончил“, я-я-я! Ожидаешь, что скоро начнут рассказывать: я поругался с женой, я ходил в баню, я видел себя во сне Габриэлем д'Аннунцио и т. д.

Торопливое стремление заявить о бытии своем и деяниях своих приводит к тому, что человек, написав первую часть книги и видя, что она не обратила на себя должного внимания, пишет не вторую ее часть, а—новую книгу. Это—не редкий случай и это—очень плохо, ибо говорит о том, что человек вовсе не увлечен материалом первой своей книги и что ему все равно, о чем писать, лишь бы сделать шум и „вкусить от фиала славы“.

Наиболее шумным писателем из группы бойких у нас является драматург Вишневский. Он именует себя „новатором“ в области драматургии. Он находит, что сотоварищи его „переписывают Толстого, Ибсена, Достоевского, Чехова, Гоголя, Рышкова“, и он написал „Оптимистическую трагедию“ по форме пьес Леонида Андреева—„Царь-Голод“, „Жизнь человека“. Ничтожного Рышкова Вишневский поставил рядом с Толстым и Гоголем, очевидно, для „унижения“ классиков. По настроению своему Вишневский сроден „почвенникам“, а эти последние утверждают, что „писать надо метлой“, „жиром“ и т. д. Бескультурье „почвенников“ мешает им ознакомиться с мотивами, источниками и материалом творчества классиков, которые отлично могли бы научить их, как честно и серьезно следует работать. Но, не торопясь учиться, „почвенники“ спешат учить „начинающих“ писателей, при чем обучение сводится к захваливанию и посредством захваливания—к порче молодежи.

Далее: считающий себя „новатором“ Вишневский дает на 27-й странице „Оптимистической трагедии“ случай с кошельком, в краже которого женщина обвинила матроса, за что товарищи убили его—не воруй!—а затем нашла кошелек у себя в кармане, за что матросы убили ее—не ошибайся! Случай этот дан в одном из рассказов Ивана Вольного, с той несущественной разницей, что действуют не матросы, а солдаты в теплушке на ходу поезда и что женщина—старуха. Для новатора такое совпадение фактов—странно.

Вишневский против реализма, он за „новые формы“. Но у него матрос говорит женщине: „Выспаться на тебе хочу“, а это как раз реализм, да еще грубейший и, притом, ненужный. Такой же реализм заключен в отвратительной фразе Сиплого: „Революционный сифилитик лучше здорового контрреволюционера“. И вся пьеса глубоко реалистична не только по разнузданно грубому языку, но и по смыслу ее. Смысл—бесстрашная гибель отряда матросов-революционеров. Да, это—трагедия, хотя „новое“ толкование трагедии, как литературной формы, Вишневским—весьма спорно и туманно. При чем здесь „оптимизм“? Ведь погибают—не враги! Вообще попытка Вишневского выступить в роли Теофиля Готье—едва ли может быть признана удачной. Он ко-

чет быть романтиком, о чем и кричит на протяжении всей пьесы, а также и в стенограмме, приложенной к ней.

В стенограмме он спрашивает: может ли „хорошая форма, но абсолютно старая, закономерно выросшая на старой почве, быть адекватной тому, что мы имеем в области социальных сдигов?“ Конечно, может, ибо в этой „старой форме“ есть неоспоримое достоинство —ее точный, чистый язык, ее техническая грамотность. Ни у кого из старых писателей Вишневский не найдет такой бестолковой фразы, как его фраза: „Украину пересекают цепи, новороссийские степи и Таврию“. К тому же: невозможно познание, которое отрицало бы предшествовавшее ему знание, как учили нас Маркс, Ленин, учит Сталин.

Вишневский явно хочет быть романтиком, против этого нельзя спорить, ибо героизм действительности требует романтизации уже не только у нас, но и европейской и китайской—поскольку в Китае и Европе новую действительность создает революционный пролетариат. Революционный романтизм это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое в настоящем, но, главным образом, способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего. Романтизм Вишневского покамест сводится к невозможным преувеличениям. Так, например, на 92-й стр. его книги он рассказывает о матросе, который „надергал целый котелок“ бриллиантов с „некой божьей матери“ в Казани. „Целый котелок“ с одной иконы—многовато, т. Вишневский, надо убавить! На котелок не хватило бы „бриллиантов“ со всех икон всех церквей Казани. А кроме того, настоящие драгоценные камни не торчали в ризах икон, хозяева церквей обычно хранили такие камни в сейфах банков и превращали их в деньги. Это особенно практиковалось именно в Казани, после того как была в десятых годах украдена знаменитая „чудотворная икона „божьей матери“.

Какие мотивы заставляют меня писать все это? Вовсе не весело отмечать недостатки т.т. литераторов и вообще людей, гораздо приятнее говорить об их достоинствах, но долг каждого из нас, товарищи, взаимно способствовать росту наших достоинств. Молодым литераторам нашим вообще свойственна „бойкость“ и торопливость на пути к славе, этим и об‘ясняется крайняя небрежность их работы. Отрицать сей печальный факт могут только те критики, которые, читая книги, не замечают резкого разноречия между языком авторов и фактическим материалом книг, между формой и сущностью, между намерением и исполнением. Разноречие это все растет, и тем ярче, красочней, значительней развивается наша действительность,—тем более ясно и тревожно слышишь, как тускло звучит язык, как поверхностно, хотя и размашисто изображается чудесная наша жизнь. Не отрицая обилия молодых талантов, искренно и радостно любуясь ими, я все-таки „бью тревогу“ и буду неустанно делать это. Честные люди поймут, что это необходимо, и надеюсь—что отбросив прочь личные и групповые дря-

зги, они тоже признают,—пора признать!—тот факт, что литературная работа должна быть дружным, коллективным, боевым делом глубочайшего культурно-революционного значения. К этому зовет нас грозный голос событий на Западе и на Востоке, событий, от участия в коих нельзя откупиться только пожертвованиями в пользу семей революционеров, истребленных мерзавцами.

(М. Горький. О бойкости Лит. газета. № 24, 1934 г.).

За культуру языка

Основное положение статей М. Горького, появившихся в нашей газете за последние полтора месяца, прекрасно выражено самим А. М. в заключительных строках его последней статьи „О языке“ (см. „Л.Г.“ от 18 марта 1934 г.): „Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка *есть борьба за орудие культуры.* Чем острее это орудие, чем более точно направлено—тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие оттачивать его. „(Курсив наш РЕД.)

Эта борьба за культуру языка так необходима сейчас потому, что перед советской литературой стоит ответственнейшая задача ликвидировать отставание от успехов нашего строительства. Советская литература является передовым участком нашей культуры,—вот почему она не может отставать от других участков нашего строительства. Еще в 1905 году Ленин называл „литературное дело“ литературу не продажную буржазную литературу, а передовую революционную литературу того времени—„*частью*“ общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного единого великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса“.

В наше время, после почти 30-летнего обогащения революционного опыта пролетариата, когда наша страна становится социалистической, это положение Ленина особенно обязывает наших литераторов к борьбе за качество литературной продукции.

Между тем наша литературная общественность слишком вяло откликнулась на затронутые в статьях М. Горького вопросы художественного творчества и на вопрос о литературном языке в первую очередь. Должного развертывания вопросы, поставленные Горьким, не получили и на третьем пленуме. Оргкомитета ССП, не говоря уже о том, что до сих пор нигде ни было организовано серьезного их обсуждения. А ведь основной вопрос формулирован М. Горьким удивительно четко и конкретно: В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама. Именно к этому сводится *одна из главнейших задач нашей советской литературы* (М. Горький, „О языке“; курсив наш РЕД).

Как видим, вопрос о языке имеет значение не только для литераторов, борьба за хороший и правильный язык есть условие для подъема на высшую ступень всей культуры вообще. В этом вопросе Горький прекрасно развивает В. И. Ленина, который в 1905 г. писал по

поводу „действительно свободной“ „*открыто* связанной с пролетариатом литературы: Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“ а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, *создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого* (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и *опытом настоящего* (настоящая борьба товарищей рабочих)“ (курсив наш РЕД).

Так и только так следует понимать последние выступления А. М. Горького, и в этом плане значение его высказываний и указаний огромно. Вопрос идет о создании подлинной литературы социализма, отражающей в себе все культурные достижения прошлого и настоящего. Без удовлетворения этого требования советской литературе грозит провинциальная ограниченность и культурная серость, отнюдь не способствующая изживанию ее отсталости.

Особенно остра эта опасность (провинциальной ограниченности) в отношении литературного языка. Засорение речи диалектизмами, непонятными за пределами данного уезда, села, деревни, грозит разрушить единство языка. Между тем уже революционная буржуазия в свое время четко наметила линию строительства литературного языка в его отношении к диалектам. Великая французская революция, разбившая кастовую ограниченность дворянского литературного языка и насытившая его новыми политическими терминами и новыми словами, вместе с тем взяла четкую линию на устранение диалектизмов — этих „пережитков старого порядка“, по выражению декрета Конвента.

Прогрессивная немецкая буржуазия устами Якоба Гримм так определяла роль и значение диалектов: „Каждый народный говор, интимный и самоуверенный, но неповоротливый и не изысканный, подобен удобному домашнему платью, в котором нельзя показаться на улице: по существу говор стыдлив, он сопротивляется закреплению на бумаге. Если что-нибудь пишут на говоре, то он может понравиться своим наивным простодушием: но создать крупного и и целостного впечатления говор не в состоянии“. И далее: „Все говоры и диалекты подвержены опасности расщепляться и смешиваться до бесконечности, если бы этому не был положен мудрый предел перевесом устанавливающихся более крупных письменных языков... Письменные языки поглощают беспощадно, но благотворно массу специфических особенностей, ценных и отрицательных, но не могущих споспешествовать действию целого. Подобно тому, как не суждено деревьям леса вырастить во всех направлениях ветви, а каждой ветви вырастить во всех направлениях сучья, так

и языки, диалекты и говоры одновременно препятствуют и споспешествуют друг другу своим совместным существованием". Так молодая прогрессивная буржуазия, осуществляла задачу создания одного языка, задачу государственного сплочения „территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всех препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе", как говорит Ленин в своей статье „О праве наций на самоопределение." Само собой разумеется, что культура социализма знаменует необходимость под'ема языка на высшую ступень его развития, но отнюдь не возвращения к феодальной его раздробленности.

Именно поэтому редакция „Литгазеты" еще в номере от 12 февраля в редакционной статье целиком присоединилась к тезису, высказанному Горьким в его первой статье о языке („По поводу одной дискуссии", „Л. Г." 28 января 1934 г.).

Культура социализма является самой высокой, самой богатой культурой. Но вместе с тем эта культура отличается логической строгостью и четкостью своих составных элементов, широчайшей их доступностью и интернационализмом, так как социалистическая культура есть культура трудовых масс. Вот почему такое орудие культуры, как язык, должен быть у нас выразительным, точным и адэкватно переводимым как на языки зарубежных, так и на языки национальностей нашего великого Союза.

При этом следует помнить, что в ряду языков национальностей СССР русский язык является наиболее распространенным, наиболее культурно-мощным, и что, следовательно, тем ответственнее становится борьба за культуру *русского языка*. Нет ни одного языка в нашем Союзе, на котором бы было столько научной и технической литературы, как на русском, и редко какая художественная литература прошлого может сравниться с классической русской литературой. Между тем на деле мы имеем пренебрежительное отношение к изучению языков вообще и русского в частности. Культура языка, начиная со школьной скамьи, у нас находится в большом небрежении, а русских писателей знают плохо даже сами литераторы. Не случайно А. М. указал т. Вишневскому, что „новаторство" „Оптимистической трагедии" идет от пьес Леонида Андреева „Царь-Голод" и „Жизнь человека", а эпизод с убийством матроса за кражу кошелька у женщины повторяет избитый сюжет, обыгранный у многих писателей.

Неряшливость в выборе сюжета, в композиции идет у многих писателей рука об руку с неряшливостью языка. Дело не только в засорении авторского языка местными речениями и жаргонизмами, стирающими границу между нарочито стилизованным под устную речь сказом и обычным литературным языком. Не менее порочно проявляющееся у иных писателей стремление во что бы то ни стало „обыграть" формы речи, в литературе не принятые,—попросту говоря, матерную брань. Не говоря уже о том, что писатели наши заставляют своих героев материться по всякому поводу и без всякого повода, они не прочь

заниматься этим и от собственного лица. Так, одну из лучших поэм А. Безыменского отнюдь не украшает неожиданная (и ненужная) острота:

Хаустон—по фамилии, по батюшке Самыч,
По матушке... впрочем, вы знаете сами...

Но и при отсутствии „паразитического хлама“ в словаре писателя, неряшливость его синтаксиса, нечеткость избранных им эпитетов и сравнений может привести к совершенно нежелательным результатам. В этом отношении поучителен конфуз, получившийся со включением в стабильный учебник для средней школы следующего отрывка из „Рождения героя“:

„Из-за деревьев медлительно вышла Берта. Она шла неторопливо и даже вяло, по временам останавливаясь, и Борис посмотрел на то место, где сидел Гуськов: примятая им трава продолжала распрямляться. Это походило на то, как шла Берта“. Благое намерение автора—изобразить выпрямление примятой юношеской души, благодаря неудачным выражениям, дало, как мы видим, совершенно неожиданные результаты: учителям при работе с учебником в классе приходилось отказываться от чтения этого отрывка.

Небрежность языка нашей литературы и недооценка работы по языку в школе влечет за собой другое печальнейшее последствие: искажение языка наших детей.

Пятнадцатилетний сын профессора-языковеда, „прихряв“ из школы, просит у „маханши“ „пошамать“, а семилетняя дошкольница приносит с детской площадки: существительное „буза“ и прилагательное „бузовый“.

Оба счастливы и довольны: помилуйте, они говорят „настоящим комсомольским языком“! Ибо, увы в изображении наших писателей и поэтов отличительной чертой комсомольского языка является матерная ругань и блатная речь.

„Трах—и растянулся в передней.

Поминая мать...“—так говорит комсомолец, пересыпая свою речь воровскими словами: „шкет“, „шпалер“, „трепло“, „бузить“ („Комсомолия“ Безыменского). Правда, „Комсомолия“ не писана специально для юношества, но вот небольшой подбор слов из детской книжки: „брандахлыст“, „галах“, „обормот“, „дурохлоп“, „охалпеть“ и т. д. и т. п. („Кондуит“ Кассиля). А ведь это одна из лучших наших детских книг! Что же говорить о нелучших.

Так ползет языковая зараза из класса по школе, из школы домой. А учитель? А родитель? Учитель (и родитель) и сам—подобно—чеховскому герою—в недоумении: исправлять ли в тетради Иванова причастие „задратый“, когда он только что прочитал это причастие не в сказе, а в авторской речи (в „Тихом Доне“ Шолохова)? Снижать ли оценку работы Петрова за пропущенный „ь“ в неопределенной форме глагола, когда МКХ аршинными буквами начертало на стенах: „Садится, ложится строго воспрещается“?

Неряшливость языка печально отражается и на качестве нашей переводной литературы. Несмотря на ряд попыток повысить качество наших переводов, в них все еще не изжиты основные пороки: искажение того языка, на который делается перевод, небрежность синтаксиса, приводящая к совершенно бессмысленным по своей запутанности оборотам, неумение оценить вес и стилистическую значимость слова, приводящее к резкому разрыву между характером словаря подлинника и характером словаря перевода.

И даже изящные томики, украшенные маркой „Academia", все еще снабжают нас время от времени перлами в роде: „ухватила его за плащ, чтобы хотеть растерзать этого юношу" или „рептилии в осадках универса".

А между тем, перевод и в особенности перевод в условиях развертывания литературного творчества на многочисленных языках народов нашего Союза является одним из важнейших средств обогащения литературного языка.

Все это, разумеется, обязывает русских советских писателей, возделывающих и пестующих культуру русского языка, к самой тщательной работе над языком, над отбором слов из стихийного потока словотворчества, особенно обильного сейчас. Все это обязывает нас самым тщательным образом продумать и принять к руководству положения Горького, развиваемые им в последних статьях.

„Всему фронту советской литературы на ряду с борьбой за высокий идейный уровень художественных произведений, с борьбой против враждебной пролетариату идеологии надо крепко взяться за решение проблем мастерства, проблемы овладения ярким, красочным и богатым языком („Правда", № 76 от 18 марта. „От редакции").

Борьба за культуру языка есть одновременно и борьба за язык социалистической культуры и шире—борьба за культуру социализма в целом.

За работу же, товарищи!

(Передовая из Лит. газеты № 34, 1934 г.)

